

МИХАИЛ ВЕРБИЦКИЙ

Тропа тунеядцев

ИЗ ЖИЗНИ КОНТРАЗВЕДЧИКОВ.
КНИГА ПЕРВАЯ.
В АВГУСТЕ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОГО.
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.
БЛОКАДА

Михаил Вербицкий

**Тропа тунеядцев. Из жизни
контрразведчиков. Книга
первая. В августе тридцать
четвертого. Часть вторая. Блокада**

«Издательские решения»

Вербицкий М. М.

Тропа тунейдцев. Из жизни контрразведчиков. Книга первая.
В августе тридцать четвертого. Часть вторая. Блокада /
М. М. Вербицкий — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-939498-9

Во второй части оперативная группа «Дюна», наконец, начинает действовать. При этом она несет неоправданно высокие потери. Однако майор Злыдник на завершающем этапе берет командование на себя и успешно завершает операцию «Переправа».

ISBN 978-5-44-939498-9

© Вербицкий М. М.
© Издательские решения

Содержание

Часть вторая	6
Блокада. Глава шестнадцатая	6
Глава семнадцатая	18
Глава восемнадцатая	29
Глава девятнадцатая	43
Конец ознакомительного фрагмента.	49

**Тропа тунейдцев
Из жизни контрразведчиков.
Книга первая. В августе тридцать
четвертого. Часть вторая. Блокада**

Михаил Михайлович Вербицкий

© Михаил Михайлович Вербицкий, 2018

ISBN 978-5-4493-9498-9 (т. 2)

ISBN 978-5-4493-9486-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все герои этой книги являются вымышленными.
Любые совпадения с реально существующими
людьми – случайны

Часть вторая

Блокада. Глава шестнадцатая

Ранним утром, воскресного дня, по дороге, ведущей, в деревню Молочаевка, со стороны трассы класса «А», двигался одинокий путник.

Коля – «Колхозник» шел размашистым шагом. Чем ближе, он, приближался, к, родному дому, тем больше, у него прибавлялось сил.

У бетонного обелиска, с надписью: «Колхоз «Светлая заря», он остановился и смахнул слезу. Отвыкшие, от свежего, незагазованного воздуха глаза, у него начали слезиться, как только, он вылез, из «попутки».

Постояв немного и проморгавшись, он двинулся, дальше. Вскоре, впереди, среди бескрайних, полей, показались зеленые кроны деревьев, что означало, что родное село, уже близко.

Молочаевка была центральной усадьбой колхоза. Когда-то, здесь располагалось правление, два магазина, столовая, школа, «Дом быта» и «Дом культуры».

Теперь остались, только правление, один магазин, дом культуры и дом быта, переоборудованный, под общежитие, для сезонных рабочих.

Вот, она – Молочаевка!

На въезде, в село, давным-давно, еще в перестроечные времена, стараниями общественности, был воздвигнут православный крест, с небольшим застекленным домиком, для иконки. Со временем крест потемнел, обрел солидность. Иконка выцвела и облупилась, под старину, отчего, стала вызывать, у прохожих, большее уважение.

Заходя, в деревню, Коля заметил, на скамеечке, под крестом, две поникшие фигуры и, богохульно, помянул черта. Неуместное упоминание нечистой силы, было вызвано тем, что, даже не вглядываясь, Коля, уже знал, что это, скорбят, его братья.

Детей, в их семье, было, как и положено у неблагополучных – много, а конкретно – четверо. Все дети были мужского пола.

Мать умерла рано, когда братья были, еще маленькие. Отец дождался, когда два старших сына встанут, на ноги, устроившись в колхоз, и, только, после этого, отправился, на близлежащее кладбище.

Однако карьера Пономарей, в колхозе, не задалась. После, того, как они выгнали колхозное стадо на железную дорогу, где половину коров, смело, необратимой силой, товарного поезда, старших, из колхоза выгнали. Что касается, младших, то, их, в колхоз, не брали, опасаясь за сохранность народного добра.

Пономари не впали, в уныние, и перешли, на подножный корм, отчего зажили, довольно неплохо, по деревенским меркам. Именно, тогда, их, окрестили – «партизанами». Тут, подошла эволюция и, только, братья стали жить, не просто хорошо, а припеваючи, как разгорелась компания, против тунеядцев.

Делать, было нечего, пришлось обращаться в колхоз, который, к этому времени, стал кооперативом. Не брать, их, на работу, не решились, поэтому братья стали, официально трудоустроенными. Правда, выгонять, их на работу, приходилось, силой и постоянными обещаниями, отправить, в санаторий.

Вспышка гнева Николая была вызвана, тем, что присутствие братьев у святыни, означало, что, в его отсутствие, они оказалось, на мели, и денег, на похмелье нет.

Похмельное, сидение у креста, было их, семейной, традицией. Еще, их мать, светлой ей, памяти, Виктория Петровна, сживала, тут, вместе с их отцом Андреем Андреевичем. Потом, подросшие, детки пошли, по стопам, родителей.

У Пономарей, считалось, что похмельный синдром, в этом месте, проявляет себя, с меньшей силой.

Еще издали, Толик и Валерик узнали в одиноком путнике, пропавшего две недели назад, старшего брата Колю, однако, не торопились открыть, ему братские объятья.

– Привет, жабраки! – Приветствовал родичей Коля.

– Здорово.

– Привет. Ты, где был?

– Пиво пил! – Усмехнулся Коля и пояснил:

– Срок мотал, на сутках.

– Попался! – Спросил Толик.

– Есть, чего? – Задал, вопрос, Валерик.

– У меня, то есть, а у вас, вижу – полное попадалово! Вы, что совсем.... – Не dokonчил, фразу, Коля, покосившись, на крест.

Толик, с Валериком, тяжело вздохнули.

– Непруха.... – Шмыгнул носом Валерик.

– Это, не непруха, а позорище! Позор, на, всю, деревню!

– Да, ладно, тебе.... Наливай, лучше, а, то окочурился.

Коля, подвинув братьев, присел, на скамеечку, и достал, из сумки, полторашку, почти полную малиновой жидкости и одноразовый стаканчик.

Выпили. Достали сигареты. Закурили.

– Пашка, где? – Спросил Коля, про младшего, из братьев.

– Обход делает.

Налили, еще, по одной.

– Ну, что? Пошли, до хаты, что ли?

– Пошли.

Войдя, в дом, Коля покрутил, носом. В доме, было неприбранно.

Вообще-то, неприбранно, здесь было всегда, но сегодня – особенно.

– Да! Дела! – Сказал Коля.

Толик, с Валериком, виновато вздыхая, стали соваться, из угла, в угол, перекладывая хлам, с места, на место.

Коля, взяв с печи, тряпку, смел со стола остатки, былой, роскоши: засохшие колбасные шкурки, фольгу, от плавленных сырков и всякое другое. Немного потеряв поверхность, и не получив никакого результата, Коля закинул, тряпку, обратно, на печь и достал, из сумки, бутылку.

Братья, бросили наводить порядок, и подсели, к столу.

– Ну, рассказывай! – Сказал Валерик. – Как, дело, было?

Сначала, выпили, что бы язык не заплетался. Потом, Коля начал рассказ.

– Стою, я, с орехами, на остановке.... – Начал он.

В середине увлекательного повествования, в хату, почти бесшумно, проскользнул молодой парень и, иронично, оглядел, сидящих, за столом.

– Пашка, здорово! – Поздоровался, с, младшим, братом, Коля.

– Здорово! Что – отдыхал, на нарах?

– Ага!

– Я, так, сразу, и понял. – Сказал Пашка и, подсев, к столу, потер руки.

Этот жест, у него означал, не желание выпить, а, то, что он нашел добычу.

– Ну, чего – там? – Спросил Коля, наливая, младшему, штрафную.

– Короче – так. Возле большого леса, фраер, какой-то, крутится. Но бдительный. По сторонам, грамотно, зыркает. Я подошел, закурить спросил. «Не курю!» – говорит. Короче, горючка, у него, в грузовичке! Наверно, на продажу привез, кому-то.

– Не – наш, не – местный? – Спросил Коля.

– Говорю, же, не наш! Дикий, какой-то....

– Надо брать. – Сказал Коля. – А, горючки – много?

– Нормально. – Сказал Пашка. – На передок, за раз, не влезет.

– Так! – Сказал, убирая, бутылку Коля. – Похмелились – хватит. Дело – на, первом, плане!

Воскресным утром, председатель колхоза «Светлая Заря», Бабий, находился, в дурном, расположении духа.

Вчера, из «района», поступило сообщение, что сегодня, по его запросу, из города должна прибыть группа добровольцев, для оказания помощи, в уборке урожая.

Помощь, определенно требовалась. В колхозе переставали четыре, огромные плантации, трехлетнего ямса, на уборке, которого, никак, нельзя было обойтись, без ручного труда.

Уборка ямса, начиналась с того, что на первом этапе, по полю проходил «мастодонт», так, в народе окрестили комбайн, который огромными, стальными зубьями, извлекал корнеплоды из-под земли.

После него, должны были идти «подборщики», которые грузили, урожай, в грузовики.

Однако ямс лежал, на поверхности, настолько густо и таким, толстым слоем, что «подборщики», своими широкими колесами, уничтожали значительную часть урожая. Их, к тому же, заносило на скользких ошметках, они виляли и, поэтому, подбирали, с большими потерями.

Для прохождения агрегатов, требовалось, предварительно, расчистить, колеи.

Вот, тут-то и требовалась, неквалифицированная, трудовая сила.

Прибытие помощи, из города, конечно, приветствовалось Бабием, но не радовало.

Вырвавшись из города, помощники, с энтузиазмом, приступали не к, созидательному труду, а к празднованию «Дня урожая». Так, у них, назывался день, приезда.

Иногда, «День урожая» затягивался надолго. Нет, не на неделю, но дня, на три – минимум.

Поэтому, подъехав к колхозному пансионату, выстроенному, еще до эволюции, Бабий грустно готовился к приему «варягов», прикидывая на какой срок, затянется, у них, загульная пьянка.

Еще, вчера он отдал распоряжение, водителю, колхозного, автобуса, затемно, ехать в город и забрать двенадцать человек из «Новинок».

– Психов, что ли? – Спросил, тогда, водитель, молодой парень, со странной фамилией Заяц.

– Каких – психов?! – Успокоил, его, Бабий. – Санитарок, пришлют, санитаров. Может, сестричек молоденьких.

Услыхав, про молоденьких сестричек, водитель обрадовался и больше, вопросов, не задавал.

Первоначально, городских помощников селили, прямо, в Молочаевке, в бывшем доме быта, сооруженном из железобетона, справедливо, полагая, что здание выдержит, напор пришельцев.

Здание выдержало, но не выдержала деревня. Аморальное поведение, приезжих, вызывало возмущение, у местного населения и приводило, к эксцессам.

В некоторых случаях, приходилось, даже, прибегать, к экстремальным, мерам воздействия.

Когда, косые, взгляды окружающих и уговоры, участкового, не приводили в чувство, распоясавшегося недоумка, приходилось прибегать к народным средствам.

В двух или трех случаях, со стороны приезжих, имели место, даже преступные деяния, после, чего совершившие, их, вынуждены были распрощаться с реальностью, и отправиться, в лес, на исправительные работы.

Один, особо отличившийся, вроде бы, до сих пор, слонялся, по лесу, в одичалом состоянии, подрабатывая у лесных братьев, на всевозможных промыслах.

Поэтому, не желая вносить, сумятицу, в, размеренный, ход сельской, жизни, с некоторых пор добровольцев стали селить в колхозном пансионате, подальше от местного населения.

Пансионат был выстроен, в незапамятные времена, на краю леса. Предполагалось, что там, по окончании страды, колхозники будут проходить оздоровление и набираться сил, перед, очередной, битвой, за урожай.

Однако, даже, до эволюции, здание пустовало, потому что бросать подворья, ради сомнительного бездействия, хоть и на дармовых харчах, желающих было мало.

Теперь, пансионат пригодился. Заведовала, им, приезжая, когда-то работавшая комендантом, общежития. Звали женщину Маргаритой. Удерживаться, на этом посту, уже, на протяжении восьми лет, помогало, как ни странно, беспробудное пьянство.

Беспробудное, но тихое. Маргарита пила постоянно, но понемногу. Отключаться, имела обыкновение, аккуратно, в конце рабочего, дня. Поэтому дело, в заведении, хоть, со скрипом, но понемногу двигалось.

Когда, на дороге, показался, колхозный, автобус, Бабий вздохнул, вылез из машины и пошел встречать прибывших.

Открыв пассажирскую дверь, Заяц, выскочил из автобуса и, оправдывая, свою, фамилию, резво перебежал, на другую сторону.

Выглядел, он, странно – не, так, как обычно. От волнения, глаза, у него, были, широко открыты, и сам он был, какой-то взъерошенный.

– Влюбился, что ли, по дороге?! – Подумал Бабий.

Не говоря ни слова, Заяц стал сбоку, от председателя, и, шмыгая, носом, стал ждать выхода, пассажиров.

Внутри автобуса, слышались, команды и хлопки, в ладони, словно экскурсовод, призывал экскурсантов, к вниманию.

Первой, по ступенькам, спустилась выразительная, нарядно, одетая дама, в возрасте, но имеющая вид.

Фигура, у дамы, сохранилась. Бюст, двумя, умопомрачительными, боеголовками, на шаг, опережал, свою обладательницу.

Вызывающе глянув, на Бабию, раскосыми глазами, дама уступила место следующей даме, того, же, примерно, возраста. Вторая ростом не удалась, к тому, же, была похожа на умирающую или на узницу застенков

Бабий, устало, закрыл глаза и подумал:

– Да, с этими, ямс, до морозов, в поле, лежать будет.

Вызывало беспокойность, еще, то, что спиртным, от женщин, не пахло.

– Вы, что, же, «День урожая», не празднуете? – Грустно, пошутил он. – Не употребляете?

– Употребляем! – Сказала обладательница, «боеголовок». – Только, не сегодня. Мы, еще – на уколах.

Бабий хотел спросить: «На, каких, таких, уколах?», но промолчал, потому, что из автобуса стали выходить другие пассажиры.

От их вида, у председателя, во рту пересохло, а язык стал вялым и неповоротливым.

Восемь парней, Бабий смог их сосчитать, покинув салон, собрались, в кучу и радостно, разглядывали его, проявляя, какую-то нездоровую заинтересованность.

Многие, весело, гыгыкая, тыкали в него, пальцами и, загадочно, улыбались.

Все они были, подозрительно крупные, мордатые. Форма одежды у всех была однообразная – подтянутые выше пояса, штаны, так, что щиколотки оставались незакрытыми и огромные, клоунские, ботинки, с задранными носами.

Последними, из автобуса, вышли, еще две женщины.

Одна, из них, хлопая, в ладоши сказала:

– Так, мальчики, построились! Разберитесь, по двое. Быстро, быстро!

Повернувшись, к Бабию, она спросила:

– Вы – кто?

– Я – председатель. – С трудом, ворочая, языком, сказал он.

– Так, хорошо, куда идти? Нашим ребятам, в первую очередь, нужно, покушать. Все остальное – потом. Так, куда идти?

– Сюда. – Растерянн, кивнул, на здание пансионата, Бабий.

– Мальчики, разбились, на пары, взялись, за руки и идем, за мной! – Скомандовала женщина.

Ей, энергично, помогала фигуристая.

Узницу замка Иф, происходящее, интересовало мало.

Четвертая, похоже, с деревенскими корнями, с любопытством оглядывала окрестности, не вмешиваясь в воспитательный, процесс.

Словно во сне, Бабий повел группу поддержки в холл пансионата, где, обычно, для горожан оборудовалась столовая.

Холл был завален, колченогими столами и стульями, допотопного фасона.

В нем, несмотря на солнечный день, стоял полумрак из-за, толстого слоя пыли, покрывающего, оконные стекла.

Почерневший, тюль и шторы, кособоко, свисали, к полу.

Мальчики, разинув рты, с интересом, разглядывали место, в которое они попали.

Женская часть, группы, вышла вперед и, оперев руки в бока, осмотрелась.

– И куда, это, мы, пришли? – С угрозой, в голосе, спросила фигуристая.

– Не поняла? – С вызовом, сказала, та, что руководила, больше, всех.

«Ребятишки», услышав в голосах женщин, настораживающие нотки, покрутили головами и уставились на Бабию, так, словно, ждали, команды намылить ему шею.

Чувствуя, что ему хочется, по маленькому, председатель, растерянн сказал:

– Видите ли, уважаемые...

Здесь, на него, напал кашель.

Откашлявшись, он продолжил:

– Видите ли – дело в том, что, с подобной ситуацией, я сталкиваюсь впервые...

– В каком – смысле? – Спросила руководящая дама. – Только, что назначили?

– Извините... – Заглядывая, ей, в глаза, вопросительно, сказал Бабий.

– Фаина Геннадьевна.

– Так, вот, Фаина Геннадьевна. Обычно, в первый, день, приезжающих, к нам, мало, интересуется питание и обстановка. Обычно, их интересует, совсем другое...

– Ясно! – Весело, сказала, та, что с деревенскими корнями. – Вы нас, не ждали, а мы приперлись!

– В каком-то смысле – да. То есть, нет! Ну, вы сами, понимаете... – Смущенно, пробормотал председатель.

– Короче! – Решительно, сказала фигуристая.

– Извините, не знаю, как вас зовут?

– Алла Михайловна.

– Очень, приятно! Евгений Васильевич.

– Ну, так – что, Евгений Васильевич? – Не отставала Алла Михайловна. – Вы, что не понимаете, что нашим ребятишкам, нужна располагающая обстановка хорошее питание? Без питания, они становятся раздражительными и способны, на, необдуманные, поступки!

– Я понимаю...

– Просто, так, на голодный желудок, они работать не могут!

– Я понимаю...

– А, раз понимаете – говорите, где продовольственные запасы.

Услышав, о продовольственных запасах, мальчики заволновались и, со всех сторон, обступили председателя.

– Сейчас, сейчас! – Чувствуя, дрожь, во всем теле, прохрипел Бабий и направился к двери, ведущей на кухню.

Группа, добровольцев, не отставая, в полном составе, следовала, за ним.

При виде антисанитарии, царящей, на кухне, Фаина Геннадьевна, громко ахнула и схватилась, за сердце.

– Сейчас, сейчас. – Шептал председатель, бестолково слоняясь, из угла в угол. – Сейчас...

Открыв холодильную камеру, способную вместить мамонта, он растерянно, посмотрел на десяток банок консервов, стопочкой составленных, на деревянной коробке.

За его спиной, воцарилось, напряженное, молчание.

Тут, его, сознание, мало помалу, стало включаться.

– Маргарита! – слабым, голосом, позвал он. – Маргарита!

Никто не ответил, на его призыв.

– Подождите, сейчас. – Жалобно, сказал Бабий и огляделся, по сторонам.

Взгляд, его, уперся в груды картонных, коробок, составленных в углу, помещения.

– Ага! – Обрадовался председатель и ринулся туда.

Рыча, как зверь, он стал, разбрасывать коробки в стороны. За ними, открылся, еще один холодильник – копия первого.

На его дверь был навешен амбарный замок.

– Теперь надо найти ключ. – Бормотал Бабий, оглядываясь, по сторонам.

При виде, второго, холодильника, «мальчики» оживились. Один, из них, покинул строй и направился к агрегату.

– Потап, ты куда? – Ласково, спросила Фаина Геннадьевна.

Потап, молча показал, пальцем, на замок и радостно улыбнулся.

– Открыть хочешь? – спросила Фаина Геннадьевна.

Потап закивал, еще энергичней.

– Хорошо. – Одобрила, его инициативу, Фаина Геннадьевна.

«Мальчик» подошел к холодильнику, пошевелил замок, пальцем, потом, ухватился, за него обеими руками и рванул.

Замок выдержал. Не выдержали, приваренные, к корпусу, стальные скобы.

Потап вырвал, их, с корнем.

Стеснительно, улыбаясь, он вручил замок, председателю и тактично, отошел, в сторону.

Судорожно, хватая ртом воздух, Бабий, осторожно, приоткрыл, дверцу и заглянул внутрь.

Вздохнув, поной грудью, он распахнул, дверцу, настежь и, радостно, воскликнул:

– Есть! Есть, продовольственные запасы!

Группа сгрудилась, за его спиной. Увидев на лицах «мальчиков», радостные улыбки, председатель, немного, окреп духом и стал давать, пояснения:

– Понимаете, обычно, подмога, прибывает, к нам, в невменяемом, состоянии. Маргарита Андреевна справиться, с ними, в первые дни, не может, поэтому большую часть продуктов,

пока все не придет, в норму, приходится укрывать. В противном случае, все будет не столько растащено, сколько приведено в негодность. Короче пропадет, ни за что!

– Ясно. – Выступив, вперед, сказала Фаина Геннадьевна. – Продукты, вижу, только, надо, еще проверить, что, тут, поналожено!

Она повернулась, лицом к своим и продолжила:

– Сейчас, ребята, вы сходите, с

– Евгений Васильевич. – Услужливо, подсказал Бабий.

– Сходите, с дядей Жорой, в поле, а тетя Фаина, пока, приготовит завтрак.

«Мальчики», отозвались, на ее речь, радостным мычанием.

– Еще! – Фаина Геннадьевна, ткнула, пальцем, в грудь, Бабия. – Нам, нужна, посуда...

– Посуды хватает! – Заверил, ее, председатель.

– Посмотрим. – Недоверчиво, сказала Фаина Геннадьевна.

– Еще, нужны моющие средства, постельное белье и сменная одежда, для ребяташек.

– Сделаю. – Заверил, ее, Бабий. – Сейчас, же, организую.

– Девки, со мной, кто останется? – Обратилась, женщина, к своим.

– Я, в поле, пойду. – Помотала, головой, Алла Михайловна. – С недоверием, оглядывая, замызганную, кухню.

– Тогда, бери, с собой Ганну, а Нинка, мне, поможет. – Решила Фаина Геннадьевна.

– Ну, что Евгений Васильевич, пошли! – Хлопнула, председателя, по плечу, Алла Михайловна.

– Куда? – Встрепенулся он.

– В поле. – Сказала Алла Михайловна. – Покажете фронт, работ.

Благо, необъятное, поле ямса, раскинулось, прямо, перед пансионатом и идти было недалеко.

Бабий подвел бригаду, к краю плантации и стал объяснять:

– Видите, вот эту каталку, на колесах? Ее ширина, соответствует ширине колеи подборщика. Двигая каталку, перед собой, нужно отбрасывать ямс, в стороны, чтобы расчистить колею для прохода машин...

– Ладушки! – Махнула, рукой, Ганна. – Кому, вы объясняете?! Лучше скажите, рукавицы, где?

– Все, есть, в пристройке, только, не знаю, где Маргарита... Ключ – у нее. Может, Потап, откроет?

– Потап, откроет. – Успокоила, его, Алла Михайловна.

Разобравшись с рукавицами, Бабий отвел, в сторону, водителя и, угрожающе, спросил:

– Ты, кого привез? Кого привез, я спрашиваю?

– Так, сами, велели... – Развел, руками, Заяц.

– Я велел, санитаров привезти, санитарок, на худой конец!

– Я, так и подумал... Бабы, да эти... Мордатые! Вылитые санитары. Уже, когда отъехал, так разобрался... Поворачивать, поздно было!

– Ну, я, тебе, этих «санитаров», еще припомню! – Зло, сказал председатель. – Езжай, за мной!

– Куда?

– В правление!

По дороге, он прикидывал в уме, различные варианты, избавления, от навязанного колхозу контингента, но придумать, ничего, не смог.

– Обьедят, все уши! – Стонал он, глядя на дорогу и не замечая выбоин. – Господи, придется, кормить, эту ораву, иначе разнесут, пансионат, по бревнышку! Эти, если, начнут, рыться,

в поисках, пропитания – фундамент, скovyрнут! Плюс, ко всему – придется нанимать, людей, со стороны. ... Этим нанятым придется платить и кормить, тоже, придется. ...

Приехав, в правление, Бабий, ворвался в бухгалтерию, где в одиночестве, коротала, денек главбух Ирина Витольдовна Цуркан-Чало.

– Так, Ирина Витольдовна, у вас, как все готово, к приему, городских? – Грозно, спросил, он, с порога.

– Держите, себя, в руках! – Высокомерно, сказала Ирина Витольдовна. – Не надо, на меня, кричать!

Бабий, понял, что допустил, промашку, и моментально, остыл.

Ирина Витольдовна, мало, того, что была прекрасным специалистом, но вдобавок, ко всему, считалась, первой красавицей на селе.

Да, что, там – на селе! Во всем районе, а может, даже, во всей области, не было, такого привлекательного бухгалтера, как Ирина Витольдовна Цуркан-Чало!

– Извините, Ирина Витольдовна, я – не в себе!

– Что случилось?

Бабий, подробно, обрисовал, ситуацию.

– Что собираетесь делать? – Выслушав, его, спросила главбух.

– Кормить, их придется, никуда, не денешься. – Вздохнул Бабий. – Иначе, раскатают, пансионат, по бревнышку. ... Постели, им везти, тоже, придется. Делать, нечего. Подождем денька три. Я посоветуюсь, в «районе», что можно сделать. ...

– Ну и замечательно. – Сказала Ирина Витольдовна. – Белье и продукты, значит, я выпи-сываю.

После, обеда, загрузив, автобус всем необходимым, Бабий загрузился сам и велел Зайцу, ехать, в пансионат.

Всю дорогу, он трагически, молчал.

Водитель, чувствуя, за собой, долю, вины, тоже был молчалив.

Прибыв, на место и выходя из автобуса, Бабий, неожиданно, запнулся. Ощущение было, такое, словно, он, что-то, вспомнил и, сразу, забыл.

Спустившись, на землю, он сообразил, что это было не воспоминание, а просто, перед глазами, на секунду мелькнуло, странное видение.

Бабий вернулся в автобус, и снова, стал медленно спускаться по ступенькам, на этот раз, зорко присматриваясь, к окружающей действительности.

Спустившись на одну ступеньку, он, замер, вытянув шею, взглянул, куда-то в даль, потом сошел вниз и быстро, пошел прочь, со двора.

Заяц наблюдавший, за манипуляциями начальства, со своего, водительского места, вылез из кабины и пошел следом.

– Непонятно, что, у него, на уме. – Думал он, по дороге. – Может, сбрендил, из-за меня. Теперь идет к единомышленникам. Хочет влиться, в родственный коллектив.

Выйдя, со двора, Заяц увидел, председателя. Тот стоял, на краю ямсового поля. Легкий ветерок, трепал, его волосы.

– Заяц, ты, это, видишь? – С благоговением, в голосе, спросил Бабий.

– Вижу! – Тихо ответил Заяц, глядя, на две аккуратные, идеально, правильные колеи, уходящие, к темнеющему горизонту.

Вдали, там, где ямс сходилась с кукурузой, просматривалась, группа людей и смутные очертания, разметочной, тележки.

– Так! – Расправил, плечи, председатель. – Пошли, выгружаться! Люди вернуться усталые, а постели не готовы!

На подходе к зданию пансионата, он увидел груду,хлама, вынесенного, наружу.

Велев, водителю, повременить, с выгрузкой, Бабий поспешил, внутрь.

Оказавшись, в холле, он, внутренние, ахнул.

Помещение было залито, ярким, светом. Сорванные шторы и гардины, валялись, в углу. Окна были распахнуты, настужь.

Фаина Геннадьевна и вторая приезжая, похожая, на недавно амнистированную, стоя, на подоконниках, мыли стекла.

– Что, здесь – у вас? – Робко, спросил Бабий.

– Это, что, здесь – у вас?! – Отозвалась Фаина Геннадьевна. – До, чего вы дожились! Это же – Федорино горе, а не помещение! Как, тут, жить можно!

Она, разразилась длинной проповедью, о пользе чистоты и правилах гигиены.

Бабий, покорно выслушал, отповедь, прерванную, появлением Маргариты, с двумя ведрами воды, в руках.

– Фаина Геннадьевна, я чистенькой водички, принесла. – Заискивая, сказала Маргарита.

– Хорошо. Эту воду оставь. Грязную, иди – вылей. Только, у крыльца, не выливать! Отнеси подальше, к забору!

Фаина Геннадьевна, стала слезать, с подоконника.

Бабий рванулся, к ней, чтобы, вовремя, подать руку.

– Значит, так! – Грозно, сказала Фаина Геннадьевна. – У половины продуктов, срок годности или кончился или подходит, к концу! Электрочайник, только, один...

– Погодите, минутку! – Театрально, взмахнул, руками, председатель и достал блокнот. – Говорите, что, вам, требуется. Все, что будет, в моих силах – сделаю!

Когда Сашка вылез, из погреба, на свет, божий, была вторая половина дня. Потянувшись, он прошелся по двору, разминая, атрофировавшиеся, за пять дней добровольного, заточения, члены.

– Сашка, это – ты, тут ходишь?

– А, кто – еще?

– Погреться вылез? Или – как?

– Пойду, тетя Валя.

– Пойдешь? Смотри – сам. Тебе виднее. – Сказала Валентина Семеновна, хозяйка дома, в Погорельцах.

– Да, можно идти. Чувствую – трезвый, как стеклышко.

– Перекусишь, на дорожку?

– Лучше, налегке, пойду

– Тебе виднее.

Сашка Меченый, он, же – Молочаевский Гоблин, слазил в погреб, вытащил вилку компьютера, из розетки, погасил свет и, взяв рюкзак, снова выбрался во двор.

– Ну, до свиданья, тетя Валя!

– До свидания, «племянничек»! Не забывай – звони!

– Как, что будет – позвоню. Грибы будешь брать?

– Ты, пока, ягоду давай. С грибами, потом, разберемся.

Гоблин, махнув, рукой, закинул рюкзак на плечи, и пошел, со двора.

Проходя, через деревню, он, молча, помахивал рукой, отвечая на редкие приветствия. Народу, в страду, в Погорельцах, было мало.

Выйдя на дорогу, ведущую к Молочаевке, он поправил рюкзак, и неспешно пошел вперед, туда, где темный, клин леса, разрезая колхозные поля, ближе всего, подступал, к дороге.

Пройдя, с полкилометра, Гоблин увидел впереди, идущую встречным курсом, странную процессию. Издали, она напоминала, известную, картину «Бурлаки на волге».

Метров за сто, он опознал идущих, вернее, тянущих – партизаны!

Впрягшись, в передок телеги, четыре брата шли, шумно гомоня, видимо обсуждая, какое-то, спорное дело. На время, они примолкли, потом, узнав Гоблина, снова, приступили к обсуждению.

Когда, они сошлись, дискуссия, была приостановлена.

– Здорово! – Поздоровался гoblin.

Валерик, скинув лямку, с плеча, вылез вперед и протянул ему руку.

– Не дыши, на меня. – Поморщился Сашка.

– Здорово. – Ответил, тот, отступая назад, и поднимая руки, вверх, словно, сдаваясь в плен.

– В лес, собрался? – Понимая, спросил Коля.

– Ага! А, вы, куда стремитесь?

– К светлому будущему! – Весело, сказал Пашка, не имевший понятия, что это – за будущее, такое светлое. Он, лишь, смутно помнил, что покойный отец, говорил ему, что все туда раньше стремились, а, потом развалили союз.

– Мотаемся, как проклятые! – Сказал Коля. – Один, козел, нас, сегодня, так, подставил, злости не хватает!

Коля озабочено, покачал головой.

– Закурим?

– Можно. – Ответил Гоблин и, сам, достал сигареты.

Все закурили.

– Понимаешь, сегодня, какой-то, городской придурок, к нам приперся, бензином торговать.

– Прямо, к вам? – Заинтересовался Сашка.

– В наши края.

– А!

– Сам, понимаешь – чужие, здесь, не ходят! Ну, мы, его, аккуратно, вырубил и товар экспроприировали.

– Правильно. – Согласился гoblin. – Тут, своих самогонщиков хватает! А, чем, клиента приводили, в кондицию? Попить, чего, дали или помазали, чем?

– Не. Клиент осторожный попался. Но, у Пашки, всегда – клизма, в рукаве.

– Понял.

Гоблин знал этот метод, приведения, жертвы, в бессознательное состояние. В обычную медицинскую клизму, засыпался, измельченный в пыль, «коктейль», из сушеных грибов. Остальное, было, делом техники. Главное, было, распылив порошок, вблизи лица, клиента, не надышаться, самому.

Пашка, по слухам, в этом деле, был виртуозом.

– Короче! Клиент уснул. Мы первую партию погрузили и повезли, в Погорельцы. Солнце – в зените, но дотянули! Заволокли к «Шалому». Ну, ты – знаешь!

– Знаю.

– Он, мужик справедливый, добросовестный. Ладно, говорит, возьму. Договорились о цене. Он лактометр взял горючку проверил. Вижу – удивился. Что не так, спрашиваю. Он говорит: «Все – так! Даже – очень! Прямо – авиационное топливо, а не бензин! Я, маловато, вам пообещал и, от щедрого сердца, добавлю, еще». Мы, конечно, радуемся – повезло, то, как!

Коля замолчал и мрачно вздохнул.

– Чего, такое? – Спросил гoblin.

– Рано радовались. – Ответил Коля. – Пошли за остатком, Погрузили. Приволокли, на одном вздохе. «Шалый», опять качество проверил, лактометр, тряпочкой, протер, вижу – опять, удивился. У меня, прямо, сердце замерло. Неужто, думаю, еще накинёт? Ага, накинул!

Все четверо, разом, вздохнули.

– Чего – такое? – Весело, спросил гоблин.

– Чего, чего? «Так, дело, у нас, не пойдет!» – Говорит «Шалый». – Загружайте, свое, добро, обратно.

– Чего случилось?

– Чего, чего? Горючка хмельная, оказалась. Салфетка пробная фиолетом окрасилась. Сам знаешь – такую горючку, залей, с километр проедешь – движок, можно выбрасывать!

– Да, это дело – хреновое! – Согласился гоблин.

– Мы, прямо, руки опустили. «Извини!» – Говорим. – «Мы, без, злого умысла!» «Верю!» – Говорит «Шалый», только, волоките, эту дрянь, с, моего, двора. Это – мне, без надобности». Потом, видит – мы совсем потухли. Вынес вискаря. Мы дернули – в голове, прояснилось. Рванули обратно. Представляешь – солнце, еще в зените, а мы с телегой – дурни, дурнями. Дрянь эту в поле не бросишь. Пришлось везти обратно. Хорошо Шалый, нас подзаправил, на две ходки. А, так бы пропали.

– Да представляю. А, это, что, сейчас, тяните?

– Движок мерседесовский. Не захотел, гад, по-хорошему – будет, по-плохому!

Братья накинули, лямки, на плечи, и поволокли, свой, груз, дальше.

Гоблин, проводил, их, долгим, задумчивым, взглядом и пошел вперед.

Там, где лес сближался, с дорогой Молочаевка – Погорельцы, в его сторону отходила, грунтовая дорога, проложенная, монтажниками, для установки ограждения.

На дороге, отчетливо, отпечатались, колеи, от двуколки Понамореи.

Вдали, у кромки леса, на краю ямсового, поля, что-то темнело, видимо – машина, того самого, заезжего спекулянта.

Направляясь туда, Сашка, никак не мог, взять в толк, что, здесь, понадобилось придурку-горожанину. Теперь, когда почти в каждом колхозе была, своя, перегонная установка, сельчане не испытывали дефицита, горючего. Они, сами, могли продать его, сколько угодно. Правда, не рапсового, а из маниока. Повсеместно, считалось, что маниочное – ниже классом, хотя специалисты, разницы, не находили.

Приблизившись к машине, грузовому «Мерседесу», с оголенным, лишенным брезента, кузовом, гоблин внимательно осмотрелся.

Понамори, никогда, не проявляли, садистских наклонностей. Так и сейчас, спящего водителя, отволокли, к самой машине, где он находился, в тени, а не жарился, на солнце.

Это был розовощекий, плотненький, парень, без особых примет, в стандартной, одежде. Он тихонько, похрапывал, погруженный, в сладкие, наркотические, видения.

– Хорошо, если, до росы, проснется. – Подумал гоблин. – Рассветы, уже – холодные. Замерзнет и простудится, бедолага!

Двадцатилитровые, пластиковые, емкости, с горючим, были свалены, немного, поодаль. Понамори, демонстративно, раскидали, хмельную горючку, высказав, таким образом, свое презрение, к негодному товару.

В кармане, у спящего, зазвонил мобильник. Звонил долго и настойчиво. Когда он, умолк, Саша обошел машину кругом и, ничего, полезного, для себя, не обнаружил.

Когда он уходил, мобильник зазвонил снова.

Он, уже подлез, под проволоку, а телефон, все звонил-надрывался, не давая, ему сосредоточиться.

Наконец, электронные, трели стихли.

Гоблин стоял, на довольно заметной тропинке, уходящей, в лесную чащу и, молча смотрел, на лес.

За эту привычку «лесовиков», постоять немного, прежде чем войти в лес, в народе ходили слухи, что они, в это время, читают свои секретные заговоры, отводя всякую напасть.

На самом деле, гоблин, просто слушал и смотрел. Если не топорчатся ветки, не поросит, в глаза, пылью – идти можно. Если, по другому, лучше, не суйся! Правда, несмотря на молодые годы Меченый был полным гоблином, а не каким-нибудь юниором. Он мог, без большого ущерба для себя, ходить, даже, по запыленному лесу. Только, без особой нужды, вступать в неуравновешенную среду, не хотелось. Тем более заниматься промыслом, когда в лесу метет, было невозможно.

Сегодня, все выглядело, как-то странно. В воздухе, присутствовала, непонятная напряженность, но деревья были спокойны.

– Идти, не идти? – Подумал Сашка. – А, была, не была – не возвращаться, же, обратно! Чуть, что – на месте пережду.

Приняв решение, он шагнул вперед. Тропинка, заросшая, по краям, мелкими кактусами, обозначена была четко, и идти, по ней не составляло, особого труда.

Оказавшись, в тени, деревьев, он приостановился, подышал лесным воздухом и, не ощутив никаких побочных эффектов, пошел дальше.

Радостно, пели птички. Листья, трепеща, на ветру, бросали на тропинку, скользящие тени.

Нервное, напряжение, у гоблина, стало спадать. Враждебная людям, среда, стала родной и близкой.

И вдруг.... Обломанная ветка! Гоблин остановился, не веря, своим глазам. Ветка, не была, случайно, обломана. Судя, по толщине и положению, ее обломали нарочито.

– Мама, родная! Это, что, такое, творится, на, белом, свете!

Гоблин осторожно, обошел, это место и, дальше, пошел медленнее.

Вот здесь, чья-то нога, подфутболила, беззащитный, гриб-сыроежку оставшийся съедобным, даже, в, нынешние времена. Дальше виднелись помятые листья папоротника.

– Что, за напасть? – Подумалось, ему.

Теперь, он шел, очень осторожно – поминутно, останавливаясь и оглядываясь, по сторонам.

Богатый опыт, блужданий, по лесам, говорил ему, что сейчас опасности нет и все – спокойно. Только было непонятно, отчего – так?

Когда, справа от тропинки, обозначился небольшой просвет, он пошел, еще осторожнее. Потом, увидел, на тропинке, человеческие ноги, обутые в оранжевые кроссовки и, пожухлый цветок красной орхидеи, нависший, над тропинкой.

Вблизи, ноги имели продолжение, в виде мужского, тела, облаченного в кожаную куртку, с множеством карманов.

Тело мужчины было перевито, воздушными корнями, той, самой, орхидеи, которая, еще, полностью не сомкнула свои объятия.

– Да, мужик, ты – попал, конкретно! – Почесался гоблин. – На районе, дитенок, еще говорить не умеет, а, уже, знает, что красная орхидея зацвела, это – смерть неминуемая! Увидел, что расцвела – задерживай дыхание и уходи, куда подальше! Интересно, ты был – молодой недоумок, или – придурок старый?

Лица покойника, было не разобрать, из-за копошащейся, на голове, массы, оранжевых насекомых.

Потом, его взгляд упал, на, измочаленный стебель цветка, который, судя по всему, пытались сорвать

– Интересно, для кого, ты, предназначался, цветочек аленький? – Тихо, спросил, сам, себя Сашка.

Глава семнадцатая

Над усадьбой «Веселый дворик», воскресное утро, окрасилось бледно-розовой зарей, предвещавшей ясный, безветренный день.

Алена проснулась, рано и, хотя, Туманова предупреждала ее, чтобы она вела, себя естественно, не смогла улежать, в постели и вскочила.

Считая, что не стоит, в такую рань, лезть, на глаза прислуге, она тихонько села, у окошка и стала смотреть, во двор.

Рассвет не произвел, на нее, особого впечатления, потому, что Белая – Чернышевская считала, что рассвет, обязательно должен быть ярко-красным. Как в песне, которую, по утрам, любил напевать отец: «Утро красит, красным светом, стены, древнего Кремля...».

– Как, все-таки, у них, все – убого. – Вдруг, подумала, она, ни с того, ни с сего.

После тюремной камеры, место, куда ее привезли, показалось, Алене прекрасным.

Теперь, деревянные срубы, зданий и ограда из жердей, казались, ей смешными и нелепыми.

Только здешний сад, заслуживал, быть перенесенным, на одну, из отцовских вилл, где-нибудь, в средней полосе. Как сказал, тот мент: «Футуристический пейзаж»!

– Ага, вот и Ванька, вылез, из сторожки! – Отметила она, про себя. – Хоть бы не начал мочиться, посреди двора.

Довольно, симпатичный, внешне, но полный, полудурок, в умственном развитии, этот страж порядка вызывал, у Алены, смешанные чувства. С одной стороны – он был смешон, с другой, ей было, его, немножечко, жалко.

Вчера, его на смену, привез, какой-то офицер и на вопрос, сменяющегося дяди Пети, почему не заступает Миклашевский, ответил:

– На больничном – Миклашевский. Этот кадр, подежурит. Старший сержант Лобанок.

После отъезда начальства, Ваня, как представился, заступивший на смену, с серьезным видом проверил, хорошо ли сидит, на ней, электронный браслет. На замечание, Алены, что у него в будке запищит, если браслет расстегнется, Ваня ответил:

– Так, положено!

Потом, он выложил Алене, что, его прислали, сюда, в качестве «усиления», потому, что он очень опытный сотрудник. Правда, ему, сказали, что он, здесь – временно. Он, сам, правда, не горит желанием, застрять, здесь, надолго. Ведь, он работает, на «Жданах», охраняет рынок.

Позже, Алена слышала, как заведующая, Анна Леонидовна, говорила, кастаньянше:

– Прибери, все, с глаз, долой! Слышала, этот соколик, на «Жданах», сторожует! С ним, надо, держать, ухо, остро! Враз, приберет, что плохо лежит!

Покрутившись, вокруг Алены и поняв, что сердечного разговора, у них не получится, Ваня переключился, на горничную Веронику.

Та ответила, на его поползновения, легким флиртом, и привратник воспрял, духом.

Ваня, походив по двору, скрылся, с глаз, и Алене стало скучно.

Поскучав, еще, немного, у окошка, девушка начала зевать и решила, поспать, еще чуть-чуть.

Проснулась, она, как дома, аккуратно, к завтраку. Во дворе, слышались голоса.

Выглянув в окошко, Алена увидела, что Ваня крутится возле второй горничной – Вики, которая, по своему обыкновению, загорала, вытащив шезлонг на солнце.

– Прямо, копытом бьет! Как – жеребец! – подумала она, а вслух добавила:

– Как – мачо!

Тут, Алена рассмеялась, потому, что вспомнила беседу, с дочерью, отцовского приятеля.

Маргарита, так звали ту, сногшибательно-гламурную деву, рассказывая о своем бойфренде, назвала, его «настоящим мачо».

На, это, Алена заметила:

– Вообще-то, по-итальянски, «мачо», означает жеребец. И, не просто, жеребец, а – жеребец-производитель. Тот, который предназначен, только, для удовлетворения, кобылей похоти. В конце концов, он конечно – лошадь, но, в сущности – скотина безрогая! Мне бы не хотелось, чтобы рядом со мной, находился человек, которого можно было ассоциировать с, безмозглым скотом.

Выражение, лица, тогда, у Маргариты, стало приятно отупелым, хотя было непонятно, от чего? То ли она обиделась, то ли ничего, не поняла, из сказанного.

Понаблюдав, еще немного, за Ваней, Алена решила, про себя:

– Нет, он – не «мачо»! Он – косячный жеребец, которым двигают, не меркантильные намерения, а любовь, к процессу! Такой соберет, вокруг себя табун и глотку перегрызет, любому, кто покусится на его кобылок!

После завтрака, Алена намекнула Веронике, что засиделась и не прочь прогуляться, скажем, после обеда.

– Пойду, спрошу – что Ванька скажет!

– Ага! – Подумала Алена. – Ваня превратился в Ваньку! На этом направлении, процесс, у него, пошел!

Вернувшись, Вероника, сказала:

– Говорит – можно! Только, это... – Потупилась девушка. – Он говорит, что местность, для него – незнакомая. Просит, что бы я пошла с вами... Можно, так?

– Конечно! – Радостно, сказала Алена, так, будет, еще лучше!

– Ладушки!

В голосе, Вероники, послышалось смущение.

– Скажете, когда захочет идти!

Когда горничная ушла, Алена, чувствуя, как внутри нарастает напряжение, упала на кровать и попыталась успокоиться.

От лежания, нервоз, стал, только усиливаться, и Алена пошла, в сад.

В саду, она начала успокаиваться.

– Помогают, что ли, эти коряги, загогулистые? – Подумала она и спохватилась:

– Конечно, помогают, они, же – туристические! Вот, они и помогают! Я, ведь – туристка! Милиционер, тогда, их так и назвал – туристические. Это Ирина, его поправила, сказала: «Футуристические»!

Алена развеселилась и, полностью, пришла, в себя.

Время, все ближе, подходило, к обеду, но чувство, тревоги, больше не приходило.

Обедали, в усадьбе – кто, как. Милиционерам, еду, обычно, относил повариха Надя. Иногда, тем, хватало. Иногда, они, захаживали, за добавкой. Остальные, садились, вместе, за общий стол, в малой столовой.

Дворника Владимировича допускали к совместной трапезе, если он был абсолютно трезвый, что, видимо, случалось, крайне, редко. По крайней мере, за все время пребывания в «отеле», Алена, его, ни разу, за столом, не видела.

Ей, самой, было предложено, принимать пищу по собственному усмотрению – хочешь со всеми, хочешь у себя, в комнате.

В первый, день, она ела, у себя. Потом, решила выходить, к, общему, столу.

Сегодня, обеденный стол был накрыт без обычной для Нади, задержки, что было здесь, обычным явлением, а точно в срок.

Дворник Владимирович, явившись, к столу, даже, выразил, по этому поводу, легкое недоумение.

– Так, праздник, то – какой! – Сказала Надя, всплеснув, руками. – Владимирович, сообщил, что, к столу, пожалуйет! Как, я могу, дорого гостя, задерживать!

– Ване, то, поесть отнесла? – Поинтересовалась заведующая.

– А, то, как, же! – Сказала Надя. – Супу, не захотел! Говорит, мне, лучше, бифштексов, побольше! Привередливый!

Обед прошел, довольно, весело. Заведующая и повариха, все время подтрунивали дворника, убеждая его, порвать с «зеленым змием» и питаться прилично, за столом, а не у себя, «в конуре».

После обеда, Алена, подошла, к Веронике, и спросила:

– Так, что – пойдем, пройдемся?

– Угу! Сейчас! Только, Ване, скажу!

Вернувшись, Вероника, радостно, улыбаясь, сказала:

– Пошли! Говорит, можно идти!

Ваня, поджидал, их, у ворот. Для прогулки, он, можно сказать, принарядился – застегнул мундир, на все пуговицы, и смахнул пыль, с ботинок.

Девушки, молча прошли, мимо него. Вероника, даже, гордо, задрала нос, кверху.

Выйдя, за ворота, Алена взяла спутницу, под руку. Ваня, обмахиваясь пучком, травы, шел следом, и, проявляя бдительность не только, разглядывал, их со спины, но и вертел головой по сторонам.

Выйдя на асфальт, девушки, разом, не стовариваясь, повернули, в сторону деревни.

Заметив, на краю, кукурузного поля, синюю машину, Алена спросила:

– А, там – кто?

– Орнитологи. – Сказала, Вероника.

– Что – за орнитологи? – Насторожился Ваня.

– Ученые. Птиц изучают. – Пояснила девушка, явно, демонстрируя, перед ухажером, собственное, превосходство. – К нам, в усадьбу, заезжали. Спрашивали, может, можно остановиться. Потом, в деревню, поехали. Теперь, у тетки, моей квартируют.

– У, тебя, тут, что – тетка? – Поинтересовался конвоир.

– Да. – Гордо, повела плечами, Вероника. – Тетка Эвелина!

– Вы, не из дворян – будете?

– Чего, это?

– Ты – Вероника, тетка, у тебя – Эвелина! Имена – такие аристократические!

– Да, ну – тебя! Из простых – мы!

– А, можно, мне посмотреть, что они, там, делают? – Прервала их милую, беседу, Алена.

Ваня, мгновенно, насупился, но, как-то несерьезно.

– Ой! Ой, какие мы – строгие! – Насмешливо, сказала Вероника.

– Так и быть, можно.

Направляясь, в сторону «орнитологов», Алена, снисходительно, не прислушивалась, к завязавшейся беседе, между горничной и милиционером.

Ирина встретила, ее, в наушниках и с, небольшим, микрофоном в руках.

В кабине, положив руки на руль, сидел, какой-то, уж очень, мрачный тип, похожий на наемного убийцу.

– Вот, это – любовь! – Улыбнулась, Туманова, Алене, выразительно, кивнув в сторону, оставшейся, на дороге, парочки.

Алена, помня инструкции, ничего, не сказала, вслух, только, вопросительно, кивнула.

– Все – в порядке. Говорить, можно. – Сказала Ирина. – Вокруг, все чисто! Давай, присядем, вот, здесь – что бы быть, на виду.

Они сели, на какие-то, чемоданы, друг, против друга.

– Ты – как? – спросила Ирина.

– Нормально.

– Я браслетик, с тебя, сниму, когда вертолет сядет, или чуть, позже.

– Хорошо. – Кивнула Алена.

Вчера, ночью, Туманова осмотрев замок приспособления, сразу заявила, что «такое барахло», в России, уже давно не делают.

– Каменный век! – Подвела, она тогда, общий итог.

– Алена! Алена! – Позвала, ее Вероника, махая рукой.

– Да!

Алена поднялась и помахала, в ответ.

– Мы, у тети, будем! Белый дом! Крайний! Ты, только, долго, не задерживайся!

– Хорошо!

– Пятнадцать минут! – Крикнул Ваня и, делая замысловатые зигзаги, поспешил, вслед, за своей, пассией.

– Вертолет, скоро, прилетит? – Спросила Алена.

– Уже близко. Тебе, не слышно, еще, а я, его, уже слышу.

Вскоре и Алена, без всякого, спецоборудования уловила, вдали, еле слышный рокот.

Шум, винтов, все нарастал, и она чувствовала, как начинают дрожать, колени.

Видно, по разлившейся по, ее лицу бледности, Ирина угадала, что винтокрылая машина находится, в пределах обычной, слышимости. Сняв, наушники, и похлопав, Алену по плечу, Туманова сказала:

– Ну, вот – почти, все... Сейчас загрузимся и полетим. Хмурый субъект, вылез из кабины и, задрав голову, вверх, сказал:

– Вон – они! Летят!

Сидя, за столом, у тети Эвелины, милиционер Ваня, подробно и обстоятельно объяснял, двум женщинам преимущества Департамента охраны, перед, обычной, патрульно-постовой службой.

Пить, Ваня отказался, но, на шинку, приналег изрядно.

Заслышав, шум вертолета, он, прервав, пафосный монолог, поднял голову:

– Это, чего, там – такое?

– Летит, что-то. – Беззаботно, сказала Вероника.

– Так, не опыляют, уже?

– Не опыляют. – Подтвердила, Эвелина Борисовна. – Только, все равно летать, не перестали. Делать, им, видно, нечего!

– Вот, вы, Эвелина Борисовна, зря, говорите, что мы, там, крохоборничаем! – Продолжил Ваня. – Ничего подобного! Просто, в силу обстоятельств, нам, известно до какой нижней планки, может опустить цену, продавец...

Когда вертолет приблизился, к деревне, Ваня, снова, замолчал, и даже поднял голову кверху, ожидая пролета воздушной машины.

Однако вертолет, над столом, не появлялся, хотя гудел, все громче и громче.

– Так, он садится! – Оторопело, сказал он. – Ничего, не понимаю...

Милиционер, растерянно, взглянул, на женщин, пребывающих в состоянии полной безмятежности. Потом его взгляд упал, на, переносной, приемник сигналов тревоги.

Все было в норме.

– Надо, идти посмотреть... – Начал подниматься Ваня, из-за стола.

– Сидите, сержант! – Строго и очень официально сказала Вероника, разворачивая, у него, под носом, неизвестно, откуда, взявшуюся красную книжечку.

Там была ее фотография и надпись со словами: «...Комитет государственной безопасности...».

– Это, чего, такое? Что, за шутки?

– Сидеть, кому говорю....

Голос Вероники звучал нежно, но глаза, были холодными.

– Ты чего? – Грозно спросил Ваня, расправляя плечи.

– Сержант, сидите, спокойно! Комитет Государственной Безопасности! – Послышался голос, с крыльца.

Повернув голову в ту сторону, он увидел молодого крепко сбитого паренька, в цивильном костюме.

Этому, можно было верить, что он оттуда, откуда представился. Поэтому милиционер опустил, пятую точку, обратно, на стул и притих.

– Что там? – Спросила Вероника, у стоящего, на крыльце, паренька.

Тот, в свою, очередь, задрал голову, вверх и задал, кому-то невидимому, аналогичный вопрос.

– Вертолет сел. Горючее заливают. – Ответили, сверху.

Вслед, за этим, во дворе, воцарилась тишина. Только, стул поскрипывал, под нервничающим Ваней.

– Все! Садятся! И машина отъезжает! – Раздался голос из, слухового, окошка. – Дамочки, в вертолете, мужики, на колесах!

– Сержант, за мной! – Скомандовала Вероника и бегом бросилась, со двора. Ваня, еле, поспевал, за ней.

Выбежав за околицу, девушка остановилась и, держа, руку, козырьком, проводила взглядом, взлетающий вертолет.

Синего микроавтобуса, след простыл. Вертолет, набирая высоту, развернулся, лег, на курс и стал медленно удаляться, в синие дали.

– Отправляйтесь, на пост, сержант! – Скомандовала, Ване, Вероника и, когда он растерянно взглянул, на нее, добавила, уже мягче:

– Топай, топай, служивый. Садись, в сторожку и, носа, оттуда, не высовывай. Что непонятно? Шагом, марш!

Милиционер не, то, что зашагал – бегом побежал, проявляя удивительную для сидячего образа жизни, резвость.

Вероника, решив подождать, пока вертолет не скроется, из вида, заметила, что Ваня, свернул не к усадьбе, а на место стоянки «орнитологов».

– Вот – придурок! – Подумала она.

Добежав, до кукурузного поля, страж правопорядка, стал бродить туда-сюда, растерянно, разводя, руками и время от времени, поглядывая в небо.

Однако наслаждаться, зрелищем, метаний молодого Лобанка, не было времени. Вероника развернулась и, быстрым шагом, двинулась, на подворье, Эвелины Борисовны.

Прошло, уже три часа, с, тех, пор, как пилот отправился, за горючим.

Истомленная, ожиданием, Алена, уже практически, каждые, пять минут, спрашивала Туманову: «Скоро?» или «Ну, куда, он, делся?»

Туманова, сама, стала проявлять признаки беспокойства, хотя, внешне оставалась веселой и беззаботной.

– Ну, давай, я, сама, схожу, посмотрю.... – Наконец, решила она.

– Нет! Не надо! – Сказала Алена, тревожно, оглядываясь, по сторонам.

Пилот посадил, машину, прямо, в кратер, в центре невысокого холма. Кратер был, неестественного происхождения. Когда-то, здесь был карьер, в котором брали песок и гравий. Условия, для растительности, благодаря интенсивной человеческой деятельности, здесь были экстремальные, поэтому лесной поросли, на дне впадины не было. Сначала, здесь, попробовали, обосноваться, сорняки, но, потом, их вытеснили кактусы.

Таким, образом, посреди леса, существовала проплешина, пригодная, для безопасного пребывания человека.

По краям обрыва темнел, непроходимый лес, тревожно покачивая ветками.

– Нет. Надо сходить посмотреть – что, они, там, возятся! – Наконец, решила Туманова., начиная подозревать, нехорошее,

– Нет, не уходи, может, они, сейчас, придут! – Чуть не плача, попросила Алена, и Туманова решила подождать, еще немного.

Когда терпение, у нее самой, было, уже, на пределе, Алена, вдруг, сказала:

– Смотри – человек!

Туманова, встав, с колеса, на котором сидела, стала вглядываться, в тропинку, по которой, ушел пилот, но Алена сказала:

– Да, не – там! Наверху!

Туманова покрутила головой и увидела, на краю, обрыва человека. Тот стоял, мало заметный, на фоне леса, и внимательно, разглядывал их.

– Это, ведь, не Петя? – Спросила Алена.

Туманова молча покачала головой.

Человек постоял еще немного и двинулся, вдоль обрыва, к тому месту, где находился вход, в котловину.

Человек двигался, неспешно, часто останавливаясь и прислушиваясь, к чему-то. Может, к пению птиц, а, может, к шороху листвы.

Вскоре он пропал, на короткое время, из виду и, снова, оказался, на виду, уже шагающим по тропинке.

Когда неизвестный приблизился, девушки насторожились. Вид, его, был ужасен. Человек был небрит, не стрижен, и одет, в поношенную одежду. Правда, от него, не пахло и, старенькая одежда, была выстирана.

Даже, под щетиной, благо, она росла пучками, было видно, что кожа у незнакомца, смуглая. Лицо у него было, немного перекошено и, кое-где как у, бывшего, кота, покрыто шрамами.

Туманова скосив глаза, на подопечную, заметила, что та, скорее удивлена, чем напугана. Сама она, была настороже, но явная угроза, пока, не просматривалась.

Не скрывая удивления, человек, оглядел их, правда, без, всякой, похабщины и сказал:

– Здравсте! Я – Саша Меченый. Местный гоблин. А вы – кто, такие?

– Мы – туристы. – Сказала Туманова.

– Ясно. – Сказал Саша-Гоблин.

Оглядевшись по сторонам, он выбрал, свободную, от мелких кактусов проплешину и присел, скрестив, ноги, по-турецки. Потом, достал сигареты, закурил и, только, после этого, продолжил разговор.

– Это – у вас, экскурсия, значит?

– Точно! – Подтвердила Туманова.

– Да, место, тут, красивое! – Сказал гоблин.

– Футуристический пейзаж! – Сказала Алена.

Гоблин, тревожно, огляделся, по сторонам и согласился:

– Метко, сказано!

– А, вы, куда идете? – Спросила Алена, откровенно, радуясь, встрече с человеком.

– По делам!

– А!

– Концессия, тут – у меня. Ягоды собираю. – Пояснил Саша, видимо сообразив, что туристам не очень понятно, что можно делать, в лесу.

После этого, он замолчал и, только, курил, поглядывая то на девушек, то, на вертолет. Докурив, гоблин загасил сигарету, но выбрасывать не стал, а, достав из нагрудного кармана, бумажный пакет, спрятал окуроч, туда. Потом положил пакет, обратно.

После, этого, он остался, сидеть, безмятежно, наблюдая, за «туристками».

– Вы говорили, у вас – дела. – Сделала, тонкий, намек, Туманова.

– Ну, да. – Согласился гоблин. – Дел – по горло!

– Так, может, вам следует, ими, заняться?

– Не могу!

– Не поняла?!

– Так, как, я, вас, одних, оставляю? – Искренне, удивился, тот. – Мало ли – что? Как, я людям, потом, в глаза, смотреть буду?

– Можете, не волноваться. Мы, кое-кого ждем. Потом, полетим, дальше.

– Ну, вот – как полетите, так, я и, по делам отправлюсь!

– Вы, никого, случайно, в лесу, не встретили? – Встряла, в разговор, Алена.

Туманова, неодобрительно, подняла бровь, но промолчала.

– А, кого ждете? – В свою, очередь, спросил гоблин.

Алена, вопросительно, взглянула, на Туманову.

Та, снисходительно, пожала плечами: «Продолжай, раз начала!»

– Мы, одного человека, ждем... Летчика. Когда вернется – полетим, дальше.

– В оранжевых ботинках? – Спросил гоблин.

– Да! – Обрадовалась Алена. – Вы, его, видели?!

– Видел. Только, он не придет.

– С чего, вы решили? – Насторожилась Туманова.

– Так, покойники, не ходят! – Сказал гоблин.

Воцарилось, непродолжительное, но напряженное, молчание.

– С, чего вы взяли, что наш пилот – мертв? – Спросила Туманова.

– Не знаю, ваш – не ваш, а, только, в лесу, лежит жмур, в оранжевых ботинках.

– А, это – точно, наш пилот?

У, Алены, от растерянности, сел голос.

– У нашего – усы и лысина, спереди, пробивается...

– Про это, ничего, сказать не могу. У него, божие коровки, уже, бошку, обгрызли.

– Как – это? – Еще шире, распахнула глаза, Алена.

– Проще – простого. Его, как вырубил, так коровки и налетели, пожрать, пока – тепленький. Тухлятину, они не едят, только свежачок.

– Ужасно! Конечно, если это – правда... – С, откровенным, недоверием, сказала Алена.

– Чистая, правда.

Саша, почесал лохмы.

– Так, что, если другого летчика, у вас, нет – никуда, вы не полетите. Сегодня, так, это – точно!

– Я могу водить вертолет. – Сказала Туманова.

– Правда, умеешь? Здорово. Я, так, не умею. – Сказал гоблин, уважительно, поглядывая, на Туманову.

– Только, нам, бензин нужен. – Сказала Туманова.

– У нас, бензина, днем, с огнем не сыщешь. – Сказал Саша. – У нас, теперь – только биотопливо!

– Может, я, неправильно, выразилась? Речь шла, о том, что, вертолет, нужно заправить. Один человек обещал, нам, подвезти, горючее. Он, тоже, пропал – не можем, до него, дозвониться.

– Петя пошел искать, его, и пропал. – Добавила Алена. – И, вы, говорите, что он умер...

- Наверно, это – тот мент, что спит, на опушке. – Сказал гоблин.
- Какой – мент? – Настороженно, спросила Туманова.
- Плотненький – такой. Приехал, еще, с утра. Горючку привез, в канистрах.
- Он, то, нам и нужен! – Не скрывая радости, сказала Туманова. – Вы говорите – он, горячее, привез? А, почему, вы, сказали, что он – мент?
- Может и не мент. Может – конторский. Только видуха, у него стандартная, правоохранительная.
- Туманова задумалась.
- Вы, говорите – он спит?
- Спит. Еще, двенадцать часов проспит, как миленький.
- Вы, хотите, сказать, что это – нездоровый сон.
- Маслят нанюхался. – Подтвердил гоблин.
- Она, снова, погрузилась, в раздумья.
- Значит, мы, можем, горячее, забрать? – Спросила она. – Даже, если, этот человек, как, вы, говорите, вызывает подозрения. Вы, нам, не поможете?
- И, не подумаю.
- Почему? – Обижено, спросила Алена.
- Если, вы, нацелились помереть, то, я, вам – не помощник.
- Почему – помереть? – Возмутилась Алена. – Мы, просто, улететь хотим....
- Значит, помирать, вы не собирались? Это, у вас, не способ самоубийства – такой?
- Нет, конечно....
- Значит, скажите, партизанам, спасибо, что, еще, живы, пока!
- У вас, тут, еще, партизаны, остались?
- Живут и здравствуют. Тех, что, в войну, были, конечно, не осталось. Померли, давно. Зато, новые, родились. Республика – партизанка!
- Вы, не можете объяснить, все, толком? – Вступила, в беседу, Туманова.
- Горючка, что, вам, привезли – хмельная. Пыльца, от хмеля, в ней. Такое, если, в двигатель попадет – хана, ему. Короче, если, заправиться и взлететь, через пять минут – капут! Гахнулись, бы, вы, сегодня, из поднебесья, кабы не Понамори!
- Отчего, вы решили, что горячее.... Хм! Что оно – плохого качества? И, причем, здесь, какие-то «Понамори»?
- Фраера, что горючку привез, братья Понамори, обули, только, у них, облом вышел. Повезли продавать, а купец, определил, что это – фуфло! Вот – так!
- Лицо Тумановой стало бесстрастным. Глаза превратились в ледышки.
- Я, должна, все, увидеть, сама. – Решительно сказала она и спросила:
- Вы, меня, проводите?
- Тихо, тихо, барышня! Вон, подружку, свою, наполохали! – Сказал гоблин. – Такую, вас, я никуда, не поведу. Успокоиться, надо. Дышите!
- Все – хорошо, не волнуйтесь!
- Это, мне решать. – Спокойно, сказал Саша. – Как, поутихнете, так и пойдем.
- Он достал сигареты и закурил.
- Я, одна, не останусь! – Заявила Алена. – С вами, пойду.
- Это, ни, к чему. – Заявил гоблин, покуривая. – Мне, с одной, психованной пройти бы! А, то – с двумя! Сидите, здесь, и не рыпайтесь. Место, тут – тихое, безопасное. Страусы, сюда, не заходят.
- А, что страус – опасный зверь?
- Скотина, что – без мозгов, всегда опасна. А эти, совсем, распоясались.... Короче, если увидите, в кабину сядьте, пока не уберется. Поняли?
- Алена, молча, кивнула.

Проделав, с окурком, ту же процедуру, что и раньше, Саша-Гоблин, внимательно, оглядел Туманову, оценивая, ее морально, а не физически, и решил:

– Похоже, можно, идти.

– Вы, вернетесь? – Спросила Алена.

– Не бойсь – я, так, точно! – сказал парень.

Туманова, же, в ответ, на ее вопрос, только, укоризненно, покачала головой.

– За мной, идите, по тропинке. – Сказал гоблин и пошел вперед.

На выходе из карьера, он, не останавливаясь, начал, более подробный, инструктаж:

– За мной идите, в сторону, не ступайте. Тут, у тропинки, трава сорняковая и кактусы. Только их, без нужды, тоже, мять нежелательно. Веточек не ломать. Вообще, руками ничего не трогать. У вас, городских, ручки, так и тянутся нашкодить – листик, там оборвать, или цветочек. Лучше, всего, с непривычки, руки, в карманах, держать....

– Скажите, а вы, окурки в целях конспирации прячете? – спросила Туманова, когда проводник сделал паузу, в, своем, нравоучении.

– От, кого, мне, в лесу, конспирироваться?! – Весело, ответил тот. – Просто, в окурках, фильтр – химический, а лес, этого, не любит.

– Говорят, что, он, самоочищается?

– Это – да! Только, он уже самоочистился, и больше химии, не хочет. Одно время – чего надумали. Стали в лес, бутылки и крышки свозить. Пусть перерабатывает! Ну, возчиков, уже на ближних подступах, так плющить стало, что мало, кто в себя пришел, после этого!

– И, что?

– А ничего. Зачинщиков, начинания посадили, за вред человечеству. Мусор, в лес, возить перестали. Теперь перерабатывают.... Ну, вот! Смотрите – ваш, не ваш?

Гоблин прошел, вперед, и, остановившись, кивнул в сторону, от тропинки.

Туманова, недоуменно взглянула, туда, куда, он указывал и, вначале, ничего, не разобрала. Солнечные блики, игра теней делали, картинку, размытой. Потом, когда зрение сфокусировалось, она разглядела человеческое тело, словно, запертое в, зеленую, клетку. Детали проступали, постепенно. Ей стало понятно, что, человек не в клетке, а перевит, жесткими, то ли лианами, то ли корнями. На нем, были оранжевые ботинки, кожаная летная куртка и, защитного цвета, штаны.

Голова, у трупа, в самом деле, была объедена. В некоторых местах, мяса, совсем, не было, и проглядывали кости, черепа.

Одинокие божие коровки, еще ползали, по воротнику, но основная масса, видимо, отлетела.

– Ваш? – Снова, спросил провожатый.

– Наш. – Ответила Туманова.

– Ладно, пошли, теперь, на, спуна, глянем!

Когда они, вышли, из леса, Туманова, вдруг почувствовала, в себе, легкую, неуверенность. Словно, она, вдруг, лишилась, надежной защиты.

Они, согнувшись, прошли под проволоку и оказались, рядом с машиной, в тени кузова, которой, спал человек, которого, Ломако представил ей, как спекулянта-самагонщика.

Вглядевшись, в него, без суеты, Туманова, решила, что гоблин, пожалуй, прав. Было в этом, как его.... Метлицком! Точно! Было, в нем, что-то, неестественно стандартное.

В кармане, у спящего, заверещал телефон.

– Звонит и звонит. – Сказал Саша. – Я пришел – он звонил! Уходил – звонил! Пришел – опять, звонит!

Туманова, решительно, шагнула, вперед и изъехала телефон, у хозяина.

Достав, из кармана, свой смартфон, она прижала его к телефону и стала нажимать на кнопки. Смартфон, переливчато, запиликал. Его экран разбился на квадратики. Квадратики стали поочередно, мигать.

Наконец мигание прекратилось. Из смартфона, параллельно с телефоном заправщика, раздался гудок. Туманова щелкнула пальцем, по экрану и сказала:

– Алло!

Неизвестно, что послышалось, вызывающему абоненту, но тот, облегченно крикнул, Тумановой, в ухо:

– Ну, наконец-то! Почему не отвечаешь? Алло! Бондаревич, ты меня слышишь? Алло! Докладывай, что, у тебя происходит. Если слышишь, меня, перезвони! Сообща, улетели они или нет!

Этого было достаточно. Туманова нажала кнопку отбоя на обоих аппаратах и стала разбирать, телефон «Метлицкого». Достав, оттуда сим-карту, она повертела ее в руках. «Симка» была странная, намертво соединенная с каким-то процессором. Потом, она подошла, к бесчувственному владельцу. Профессионально обыскав, прислоненное к колесу, обмякшее тело, она извлекла, из потайного кармана, красную книжицу.

Саша, который, все это время, уважительно наблюдал за ее действиями, заглянул ей через плечо.

– «Камитэт дяржауной бяспеки». – Прочитал он, вслух.

– Старший лейтенант Бондаревич. – Добавила Туманова.

Включив на телефоне старшего лейтенанта фонарик, она вложила, его спящему в карман.

– Ксиву забираешь? – Спросил гоблин Саша.

– Да.

– Смотри, может оно так и надо. И, право имеешь.

– Ну, чего, огляделась? – Спросил, он, немного погодя, нарушив затянувшееся молчание.

– Посмотрела.

– Чего – невеселая?

– А, бензин, то есть, горючка, и в правду, не годится?

– Можешь, мне поверить. – Заверил он, ее, и спросил:

– А, вы, куда лететь собрались, что, вас, укокошить решили? За границу, что ли?

– Может, и за границу.

– Не говори, если, не хочешь.

Гоблин, еще раз обошел, вокруг машины, и, опять, не нашел ничего полезного, для себя.

Туманова, тем временем, открыв одну канистру, смочила горючим носовой платок и спрятала его в полиэтиленовый пакетик.

– Так, что? Идем – обратно, или, как? – Спросил он, ее, очень сочувственно.

– Пошли. – Сказала Туманова.

По дороге, обратно, Туманова, хотя, ей очень не хотелось, но все-таки, приостановилась и взглянула, на мертвое тело. Хотя солнце, уже, почти, село и в лесу наступили сумерки, сомнений в том, что упокоившийся, в зеленых объятьях – пилот вертолета, не оставалось.

В карьере, было, еще светло. Алена, заметив их издалека, вылезла, из кабины, и прошла, немного, навстречу.

Она, с робкой надеждой, взглянула на Ирину, видимо надеясь, что все не, так, уж, и плохо.

В ответ, на ее, вопрошающий, взгляд, Туманова, только, развела, руками.

– Что, теперь, делать? – спросила, Алена, стараясь не показывать, как она расстроена.

Она, даже, улыбнулась. Вышло, это, у нее, неважно. В глазах, стояли слезы. Улыбка не получилась.

– Решайте, что делать, будете. – Сказал гоблин. – Тут, заночуем, или, в деревню, пойдем.

- Надо подумать. – Сказала Туманова.
- Думайте скорее – темнеет. Если, вас искать будут, то, тут, скорее найдут. Если, в деревню, пойдем – скорее всего, сами, решать будете, что дальше делать.
- Тогда, наверно, в деревню. – Сказала Туманова. – Вы думаете, что, там, нас, искать не будут?
- Почему, не будут. Если, будут искать, и, туда, заявятся. Только, искать и найти – разные вещи.
- Тогда, пошли, в деревню. – Решила Туманова. – Мы, вам, заплатим, за услуги.
- Ага – уже! – Покачал головой гoblin. – Лучше, скажите – вертолет, вам, без надобности? Он – чей, вообще-то?
- Он не наш. Мы, его, арендовали. Наверно – государственный?! – Сказала Туманова.
- Ясно. – Сказал гoblin. – Пошли! Идите, за мной, шаг, в шаг.
- Что, если божие коровки налетят? – Спросила Алена.
- На живого не налетят.
- На пилота, ведь налетели. А, он, вы говорите, еще живой был.
- Живой, но – мертвец. Человек, если красную орхидею понюхал, или скажем бледную поганку задел, или еще, чего, такое, он вроде, еще – живой, а, по сути – мертвый. У него, внутри, внутри все уже разлагается, а сердце еще бьется.... Вот, так – оно!
- Он пошел вперед. За ним шла Алена, а Туманова – сзади.
- Вы, подружке, объясните, что бы, ничего, не трогала....
- Алена, ни к чему, не прикасайся, сунь руки в карманы.
- У меня, карманы неудобные.... – Жалобно сказала Алена.
- Тогда, скрести их, обхвати себя.
- Вот – так?
- Да. Тебе, удобно?
- Удобно.
- Ну, и – хорошо!
- Так, значит, вы на вертолет, не претендуете? – Спросил гoblin, немного, погодя.
- Нет. – Сказала Туманова. – А, мы, куда свернули?
- Направо, пойдем. В Молочаевку. – Успокоил, ее, Сашка. Ну, раз, вам – без надобности, то я его, за собой оставлю.
- Летать, на нем, будете? – Спросила Алена.
- Ага! Ягоды, на продажу, буду, в Минск, возить.
- Шутите.... – Сказала Алена.
- На разборку, пойдет. – Сказал Сашка. – Запчасти, метал – все сгодится!
- А если, его за ночь, кто, другой разберет? – Спросила Туманова.
- Не разберет. Я, на нем, загодя, на всякий случай, свой знак, поставил.

Глава восемнадцатая

Утро понедельника, для генерала Пчелкина, должно было начаться, с доклада подполковника Скрипак, об успешном завершении операции «Переправа».

Начало операции, вселяло в ее организаторов уверенность.

В ожидании подполковника Скрипак или полковника Бурого, или обоих вместе, генерал, даже, прочел, начало стиха: «Переправа, переправа берег левый, берег правый»

– К вам – полковник Бурый. – Доложила Савицкая.

– А, где – Скрипак? – Удивился, про себя, Пчелкин, а вслух сказал:

– Пусть, заходит.

Когда Бурый вошел, генерал пригласил, его садиться и спросил:

– Подполковник Скрипак, где?

– Срочно, выехал, в Столбцы. – Отрапортовал Бурый. – Бондаревич, не выходит, на связь, существует возможность, что дозаправка сорвалась.

– Как – сорвалась? – Слегка, озадачено, спросил Пчелкин.

– Ничего, не могу сказать. Скрипак поехал разбираться. Еще затемно. Хотя, насчет дозаправки, это – только предположение.

– Получается, что Белая, пока, никуда, не улетела?

– Такая возможность существует.

– Он, же, вчера мне доложил.... Мне, вчера, было доложено, что операция проходит успешно и близка, к завершению! – Генерал откинулся, на спинку кресла и, недоуменно, уставился на Бурого.

– Подполковник Скрипак, доложил, мне, то, же самое. К утру, однако, выяснилось, что обстановка остается, неясной. Но возможно, причин, для волнения нет.

– Мне, так, вообще, нечего волноваться. – Подумал, про себя, Бурый.

– Но, до места, дозаправки, они добрались?

– Неизвестно. Известно, только, что Белая, скрылась, из-под домашнего ареста, на воздушном, транспортном средстве. Летели они произвольным маршрутом, поэтому наземные наблюдатели, не могут дать четкого ответа. Вчера отрапортовали, что вертолет пролетал, по предполагаемому маршруту. Сегодня при повторном опросе, не могут подтвердить это, с уверенностью. Да пролетал, стороной. Звук слышали, но не видели. А, те, что видели, не могут, сейчас, сказать с уверенностью, какой это был вертолет. Но то, что улетели, на том, что нужно – это точно. Ломако прибыл, в город. Интенсивно, занимается, обналачиванием, денег. В общем, все, вроде, не очень плохо. Может, у Бондаревича, просто нет связи.

– Скрипак, сейчас – где?

– Выехал к месту дислокации, оперативной группы.

– Какой группы?!

– Оперативной группы, по розыску Рахметова. Группы «Дюна».

Лицо генерала Пчелкина перекосило.

– Это, той самой, группы, которая занимается поисками, бежавшего, подозреваемого?

– Так – точно? Может, стоит задействовать, дополнительные силы? Я сам могу выехать на место. – Предложил Бурый.

Пчелкин помолчал немного, словно обдумывая ситуацию, хотя ответ был, у него, готов сразу.

– Нет. Думаю – не стоит. – Прервал он, паузу. – Дополнительные силы, только привлекут излишнее внимание, к этой операции. Пусть Скрипак задействует, то, что есть, под рукой. Будем действовать, имеющимися силами. Он, мне докладывал, что там, в этой группе есть, толковые ребята.

– Не спорю. – Кивнул головой Бурый.

– Пусть, они, пока, поработают.... Там, посмотрим. Свяжись со Скрипаком. Как только ситуация прояснится, пусть немедленно докладывает. Если, что-то пошло не так, сразу сообщай мне.

– Слушаюсь.

Когда, солнечные лучи разорвали, в клочья, пласты тумана, в пойме Немана, у ворот усадьбы «Дюна», требовательно прозвучал сигнал, подъехавшей машины.

Благо, для капитана Трубы, приезд начальства, не был внезапным. Еще выезжая, из города, майор Скрипак, позвонил ему и приказал: «Поднять, всех, по тревоге!»

Поднимать никого не требовалось. Оперативники, на базе «Дюна» и, так жили в режиме сиесты.

Днем, жара загоняла, оставшихся дома, под крыши, и лишь к вечеру, все выползали из своих нор. Посланные в объезд окрестностей машины возвращались на базу. Эти выбирались, откуда-нибудь из кукурузы или зарослей, в прошлом, культурных деревьев.

Определенный наклон солнца, над горизонтом, означал начало вечерней переключки. Переключка заканчивалась однообразно. Каждый раз отмечалось отсутствие капитана Хоменюка.

Поиски последнего, отнимали немало времени, хотя Хоменюка, каждый раз находили на территории базы или совсем неподалеку.

Дело в том, что, отдавая все силы потреблению горячительного, капитан стал похож на тень. Он мог, валяться, буквально под ногами, а все проходили мимо. Распластавшись серой ветошью в траве, Хоменюк превращался в невидимку.

Все прямо сбивались с ног, а он, вот он – рядом.

Все это продолжалось до тех пор, пока Матюхин, не предложил использовать, имеющегося у них следопыта, по его прямому назначению.

Может у человека, в самом деле, был дар, но Румын находил Хоменюка, в течение пяти минут.

На вопрос, почему он раньше не принимал участия в поисках, скаут простодушно ответил, что предполагал, что оперативники занимаются этим, в качестве тренировки.

Ответ, чуть не обошелся ему в легкое увечье, но благо ноги у скаута были резвые.

Отоспавшиеся за день, оперативники ужинали рано и, нагрузившись выдержанными деревенскими напитками, спать, отправлялись не поздно.

Поэтому, задолго до рассвета, все оказывались на ногах и, похмелившись, сновали по базе, в ожидании развода.

В понедельник утро началось, как обычно и только звонок Скрипака нарушил устоявшееся равновесие.

Когда подполковник подъехал, ворота распахнулись, мгновенно. Машина въехала, во двор и, оттуда, чертом, выскочил Скрипак.

Бросив беглый взгляд, на выстроившихся, у двух автобусов милиционеров, он махнул рукой Трубе: «За мной!» и, без промедления направился, к штабу.

В бильярдной, Скрипак, задумчиво, оглядел капитана. Витая мыслями, где-то, далеко, он спросил:

– Матюхина, я видел. А, этот – третий, как его....

– Капитан Хоменюк? – Услужливо, спросил Труба.

– Ну, да. Хоменюк, он – где?

– В засаде. – Не моргнув, глазом, соврал капитан. – Поступила информация, что, через Неман, имеется брод, который возможно, является участком тропы. А, по времени Рахметов, может, появиться, здесь, со дня, на день.

– Хорошо, хорошо.... – Кивнул, головой Скрипак, размышляя, как изложить, подчиненному, ситуацию.

– Значит, так. – Придя, к определенному решению, начал майор. – Хоменюк, пусть, занимается, чем занимается. Матюхин, тоже. Тебе, временно будет поставлена новая задача.

Капитан Труба подобрался, выразив полную готовность, но был, явно, растерян.

– Ситуация – такая. Гражданка Росси, Елена Максимовна Белая, скрылась, из-под домашнего ареста. Это произошло, при содействии, другой гражданки Росси – Тумановой Ирины Андреевны. Скажу, прямо! О побеге, мы знали, заранее. Но, не мешали. Там! – Показал пальцем, в потолок, Скрипак. – Там, было высказано мнение, что исчезновение Белой, разрядит, возникшее, напряжение, между нашими государствами. Ты понимаешь, о чем, я говорю? Не очень?

Скрипак прошелся, взад, вперед, по бильярдной.

– Про банду «Интернетчиков» слышал? Слышал – хорошо! Белая и Туманова – туристки, из России. Зарубежная составляющая – этой группировки. Белую мы взяли, на конспиративной квартире. Ты сам ее брал. Помнишь – отлично. Так, вот – она сбежала, при помощи Тумановой.

– Теперь все ясно, товарищ подполковник!

– Короче! Скрылись они, на вертолете, считая, что подкупили пилота. Должны были дозаправиться и улететь, к чертовой матери, на Украину! Только, что-то пошло не так. С пилотом связь пропала. Ну, это можно объяснить! Но нет связи с дозаправщиком, а у него служебный телефон.... Границу они, по всей видимости, не пересекали. Наблюдатели, вертолет, нигде, не фиксировали. Где находятся, беглянки – неизвестно. Дай карту.

Когда карта была расстелена, на, бильярдном столе, они вдвоем, голова, к голове, склонились над ней.

– Вот – район дозаправки. Деревня Молочаевка. – Объяснял диспозицию Скрипак. – Вот – точка, где беглецов, для передачи топлива, должен был встретить, наш сотрудник. Вот – точка посадки.

– В лесу! – Изумленно, спросил Труба.

– По докладам Лесного Департамента, там, собственно, говоря, еще не лес. Так – заросли! Имеется проплешина, годная, для посадки. Лесники садились и не раз. Тропа, туда – нахоженная.

Скрипак, задумчиво, взглянул на Трубу.

– В принципе, нас устроит исчезновение этих девиц. Если они в лесу пропадут, никто печалиться не будет.

– А, черт! – Скрипак, схватился, за, прыгающий, карман.

Достав телефон, взглянул, на номер, абонента, и нажал Кнопку.

– Слушаю, товарищ полковник! Так – точно. Уже, заканчиваю, инструктаж. Собираюсь выехать, на место. Да – сам. Считаю, что ситуация, того, требует! Понял, вас! Так – точно! Слушаюсь. Скоро, выезжаю!

– Короче – так! – Сказал он, спрятав телефон, в карман. – Труба, оставляй, Матюхина, за старшего. Пусть, занимается поисками Рахметова.... Мы берем, подгруппу, этого прапорщика.... Как – его?

– Глушения! – Подсказал Труба.

– Точно Глушения! Берем подгруппу, Глушени, и отправляемся, в Молочаевку. Предупреждаю, действовать, придется, осторожно. К местным, правоохранителям, можем, обратиться, только, в экстренном случае. Постараемся, все сделать сами. Пилот, там – наш внештатник. Бондаревича, который, там, в качестве, продавца горючего, ты знаешь!

Скрипак, задумался.

– Самое главное. Если... Не дай бог, конечно! Но если, что пошло, не так, то, привезенное горючее, следует уничтожить.

Труба осторожно кашлянул.

– Все правильно понимаешь. – Сказал подполковник. – Это, нужно, сделать, во что бы, то не стало. Если, конечно, они не дозаправились и не улетели. Если улетели, обеспечиваем, эвакуацию Бондаревича, так, что бы, он, остался неузнанным. Существует возможность, что он, там, застрял, по неизвестным причинам. После этого, ты, официально – занимаешься поисками вертолета. Или его останков. Задачу понял?

– Как, быть, с беглянками, если, они, вдруг, окажутся живы? – Поинтересовался Труба.

– Как, быть, как быть? Тяжелый случай. Так, если, они, будут обнаружены – ничего серьезного предпринимать, до консультации с руководством, не будем. Придется задержать, но как бы неофициально. Для выяснения личности. А, личность будем выяснять, пока не примем решение. Пока – так!

– Ясно, товарищ майор!

– Ладно, пошли.

Когда они вышли в холл, в дальнем углу, помещения, старательно орудовал щеткой, подметая пол, чернявый молодец, с озорным взглядом.

– А, это, у тебя – кто?

– Разведчик. – Усмехаясь, сказал Труба. – Темная личность, для налаживания, контактов, с местным населением.

Услыхав, что говорят о нем, разведчик оставил оборку и, став по стойке смирно, стал, есть глазами, начальство.

Щетку, он, при этом, держал, у ноги, на манер ружья.

– Это, ты, хорошо, придумал! – Одобрительно, сказал Скрипак. – Разумная инициатива. Еще раз, окинув, одобрительным, взглядом «темную личность», Скрипак вздохнул:

– Ладно, надо ехать. Пошли!

У машины, Скрипак остановился и, приняв официальный вид, громко, обратился к Трубе:

– Товарищ капитан, прошу вас, при первом, удобном, случае, от моего лица, выразить, капитану Хоменюку, благодарность за усердную и добросовестную службу!

– Слушаюсь!

– Ну, все – поехали!

– Прапорщик Глушения и капитан Матюхин, ко мне! – Скомандовал Труба.

Те, вприпрыжку, подскочили к начальству.

– Матюхин, в мое отсутствие, остаешься, за старшего! Твоя, группа и сегодняшний резерв, остаются на месте. Возможно, вы сегодня понадобится, в другом месте.... Короче, я позвоню. Глушения, со своими людьми в машину! Выежаем немедленно. Я еду, с вами. Товарищ майор, вы – на своей?

Скрипак взглянул на микроавтобус, на воняющего секонд-хендом, прапорщика Глушению и, решительно, сказал:

– Пока, на своей, а там видно будет. И вообще, лучше будем добираться, до места, порознь. Место встречи – у сельсовета, или, что – у них, там. В деревне, не разминемся.

Когда пыль, на дороге, стала оседать, Матюхин повернулся, к оставшимся «дюнавцам».

Те, озадачено, смотрели, на него. Матюхин, тоже, мало, понимал, в происходящем. Поэтому, он сделал, озабоченное лицо и, подозвав старшего сержанта Агейкина, сказал, так чтобы, другие не слышали:

– Позавтракай. Потом возьми пару, тройку ребят и съезди, куда нибудь.

– Ладно. – Сказал Агейкин. – А, куда?

– Куда хочешь. Только, не далеко. И смотри, мне, сегодня – ни-ни.

– Ну, это – ясно!

– Покрутись, по окрестностям, посмотри, чем, кто дышит.

– Понял.

– Да, позвони Мелешко, скажи, чтобы вез Хоменюка обратно, а, то сорвались ни свет, ни заря! Не поели, даже.

Отдав распоряжение, Матюхин отправился в штаб.

В холле перед телевизором, сидел Румын, который, после отъезда руководства, потерял, всякий интерес, к уборке помещения.

– Так! – Грозно, сказал Матюхин. – Филоним?

– Чисто! – Сказал скаут, не вставая, с кресла.

Матюхин, взяв, Румына, за шиворот, поставил, его, на ноги и, хорошенечко тряхнул:

– О, чем говорили? Быстро, выкладывай!

Румын, покорно, вибрируя, в, его, руках и сказал:

– Да, разве – я мог.... Товарищ капитан....

– Я, тебя, точно, поставлю к стенке!

– Так, это – побег, международный! – Раскололся Румын.

В изложении, скаута, разговор, между Скрипаком и Трубой, имел, только один пробел. Разведчик, ни словом, не упомянул о напряженной обстановке, вокруг горячего, для дозаправки.

Через десять минут, вырвавшись, из рук, Матюхина и уединившись в кустах смородины, Румын, по телефону, снова, слово в слово пересказал разговор, состоявшийся в бильярдной, не забыв, при этом, обрисовать неизвестному собеседнику, ситуацию с топливом для вертолета.

Когда черная машина, с затемненными стеклами, медленно проехала по главной улице, Молочаевки, деревня, и, так тихая, в этот знойный час, притихла, еще сильнее.

У здания сельсовета, где, по совместительству, располагалось и правление колхоза, автомобиль остановился.

Председатель сельсовета Заслонов, проклиная, свою судьбу и председателя колхоза, который, как назло, был в поле, торопливо мыл руки.

Смыв краску, он, челябинским метеоритом помчался по коридору, слыша, как, в подначальном ему учреждении, словно сигнал тревоги, звенит посуда, убираемая со столов.

Здесь, как и в любой управленческой, организации, рабочий процесс, был организован, так, что непрерывное чаепитие, лишь, изредка прерывалось кратковременными всплесками трудового энтузиазма.

Такой экстремальный режим дня, неблагоприятно влиял, на моральное и физическое состояние коллектива. Его, отдельные представители, медленно, но уверенно, увеличивались в размерах. Председатель, даже, стал замечать, что в помещениях, становится тесновато.

– Не могу, понять! – говорил он, во время, еженедельного «барбекю», председателю колхоза Бабию. – То ли, я постарел, то ли мебели стало больше – не могу пройти, по конторе, так, чтобы, не зацепиться, за что-то.

Моральный дух, коллектива, находился на среднем уровне, так, же, в связи с нарастающей теснотой.

Однако это была теснота, другого рода. Эта было неудержимое нарастание телесной массы, выраженное не в мышечной, а в жировой, форме.

Необходимость, ежегодного обновления гардероба, больно била, по семейным бюджетам, сотрудников. Но все равно, в редкие минуты тишины, когда работники, обращали свои, взоры к мониторам, решив, для разнообразия, немного поработать, было слышно, как платья и кофточки сотрудниц, трещат по швам.

Что – платья! Стальные крючки, на лифчиках, не выдерживая, напряжения, разгибались и вытягивались в струну.

Послеобеденные телепрограммы о здоровье, в которых, спившиеся, звезды, шоу-бизнеса, беседовали со знатоками и народными целителями, о секретах похудения, пользовались у работников сельсовета, невиданной популярностью.

В нынешний, летний период, когда, с подачи главного бухгалтера сельсовета, Тамары Васильевны, в моду вошел обычай загорать, во время обеденного перерыва, Заслонов сказал Бабию, что задний двор, в это время, напоминает тюленьё лежбище.

– Даже, не тюленьё, а лежбище морских слонов! – Поправил его, тогда председатель. – Прямо, не сельсовет, а «дискавери», какое-то!

Сейчас, мчась к выходу, Заслонов, умудрился, ни за что, не зацепиться. На крыльцо, он выскочил, молниеносно, и замер, в тревожном ожидании.

В деревне, стояла непривычная тишина. Из машины, никто, не выходил.

Заслонов, поправил галстук и спустился, на ступеньку, пониже. Из машины, все равно, никто, не вышел.

Солнце припекало, а председатель сельсовета, обливался, холодным, потом.

Скрипак, сидя в машине, заметил появление, на крыльце, представителя местной власти, однако выходить не спешил, размышляя, о возникшей, непредвиденной, ситуации.

Направляясь, в Молочаевку, он собирался поручить, все переговоры с местным руководством Трубе, а самому, оставаться на заднем плане, инкогнито.

Однако, задержка, капитана и появление этого, бородатого черта, на крыльце, ломали, первоначальный план.

– Надо выходить. – Подумал подполковник. – Паника, нам, ни к чему.

Он, не спеша, вылез, из машины. Заслонов, нерешительно, сошел с крыльца.

Скрипак, непринужденно огляделся, по сторонам и поздоровался.

– Здравствуйте! Добро пожаловать! – Сказал Заслонов и пот потек, по его спине, ручьем.

Скрипак, по прежнему, не торопясь, подошел к председателю сельсовета и снисходительно, протянул ему, руку.

– Здравствуйте! – Еще раз, сказал Заслонов, пожимая, пухлую, начальственную, длань.

– Вот, проезжали, мимо. – Сказал Скрипак. – Решили, здесь, остановиться. Вторая машина отстала.

– Ну, все – кабздец! – Подумал Заслонов. – Вторая машина – со следственной бригадой!

Приехавший не представился, но председатель, не настаивал, чувствуя, что гоголевским персонажем, здесь, не пахнет.

– На таких машинах, даже губернаторы, не ездят. – Подумал Заслонов, в очередной раз, вспомнив председателя Бабию, нехорошими словами, за то, что, тот, не делит, с ним, бремя ответственности.

– Жарко. – Сказал он. – Может, пройдем, внутрь?

– Минутку! – Доставая телефон, сказал Скрипак.

Он поднес, телефон к уху и спросил, у неизвестного собеседника:

– Ты – где? Подъезжаешь? Уже в деревне? Хорошо!

Спрятав телефон в карман, неизвестный, внешне дружелюбно, но с, какой-то, странной интонацией, сказал:

– Спасибо, за приглашение, но, как ни будь, в другой раз.

Тут, же Заслонов, заметил приближение синего, микроавтобуса, стекла, которого были тонированы.

– Господи, спаси и сохрани! Не дай загреметь, на четвертом году, пребывания, в должности. – Пронеслось, в голове, у председателя. – Дай, дожидаться, ротации кадров.

Микроавтобус притормозил и, из него выскочил, еще один, очень похожий на первого приехавшего, человек, в штатском.

Этот второй, молча кивнул, первому, видимо, главному, мол: «Что мне делать?»

– Езжай, за мной! – Скомандовал главный и, не прощаясь, сел в машину.

Когда автоколлона, двинулась в сторону Погорельцев, Заслонов не дожидаясь пока она скроется из виду, бросился в сельсовет и, забежав в кабинет, стал жадно пить воду, прямо из бутылки.

Напившись, он отдышался, с тоской, взглянул на холст, стоящий на мольберте и отправился, выяснять обстановку.

– Я, с этой живописью, совсем оторвался от народа! – думал, он, выходя, из кабинета. – Совсем, перестал интересоваться, чем живет, чем дышит простой труженик.

Зайдя, в бухгалтерию сельсовета, Заслонов, прервал вялые препирательства, о том, начинать, пить чай или не начинать.

Причем, бухгалтерия, в этом вопросе, разделилась, по возрастному принципу.

Молодежь стояла, за чаепитие, а старшее, пуганое, поколение, советовало – подождать.

При появлении, председателя, препирательства, прекратились, и взоры обратились, на вошедшего.

– Роман Георгиевич, может, вам чайка, налить? – Спросила Тамара Васильевна.

– Налейте, пожалуйста. – Согласился Заслонов.

Присев, на, услужливо, пододвинутый стул, он спросил:

– Где – Бабий, никто не знает?

– Он и не езжал, сегодня. Как встал, так, сразу, в поля и подался!

– Наверно, я, как всегда, один, не в курсе, что происходит? – Снова, спросил председатель.

– Ой, Роман Георгиевич, а, вы, что не знаете? – Всплеснула руками Лидия Сергеевна. – У, нас, же московские шпионки объявились!

– Вот, это – да! – Сказал он. – А, мне, никто, не звонил...

– А, эти, что сказали? – Спросила Тамара Васильевна, готовясь, заваривать чай.

– Ничего, не сказали. Поздоровались и уехали.

– Точно – девок, городских, ловить приехали. – Восторженно сказала Элеонора, самая младшенькая, в бухгалтерии.

Элеонора, еще не достигла кустодиевских габаритов, но маячащее на горизонте замужество, обещало, что, после декретного, она вернется, в коллектив полноценным сотрудником.

– Да, что, же, это, такое происходит! – Возмущился Заслонов. – Шпионы, у меня, под боком, шпионское гнездо свили, а я, ничего, не знаю!

– Ой, да, какое, там – гнездо! – Отмахнулась Лидия Сергеевна. – У, Нинки Киллерши, они остановились, бедняжки! Та, девочка, молоденькая, так, всю ночь проплакала.

– Неудивительно – так, натерпелись горемычные. – Сочувственно сказала Тамара Васильевна. – Чуть, от смерти, спаслись! Можно, сказать, что, просто, чудом уцелели!

Не перебивая бухгалтеров, чтобы, не внести, еще больший сумбур, в эту разногласицу, Заслонов, терпеливо слушал.

– Они, за границу, лететь, собрались, не иначе. – Продолжила Тамара Васильевна. – Договорились, горючки, тут прикупить и лететь дальше.

– Да, на чем, они, летели, скажите, толком? – Не выдержали нервы, у Заслонова.

– На вертолете, летели! Не на помеле, же! – Сказала Лидия Сергеевна.

– На помеле, у нас, только Ирина Витольдовна, может. Она женщина стильная. – Заметила Элеонора.

– Только, горючку, им, хмельную, подсунули. – Продолжила Тамара Васильевна. – Вот, как дело было!

– Так, они упали?

– Да, не падали, слава богу! – Сказала Лидия Сергеевна. – Как сели в Тихом Клину, в Воронке, так и не взлетали, больше.

– А, с горячкой – что? Они, как узнали. Когда заправлялись?

– Да не заправлялись, они, вовсе! – Сказала Лидия Сергеевна.

– Дурдом – какой-то.... – Пробормотал Заслонов.

– Лидка, помолчи! – Строго, сказала, Тамара Васильевна. – Барыгу, который, топливо, привез, Понамори окультурили. Поехали продавать, а Шалый, им растолковал, что товар, бросовый.

– Теперь, понятно! – Обрадовался председатель.

Впрочем, он, тут, же, снова, загрустил.

– И что, теперь, делать? – Спросил он, сам, себя.

– А, ничего, не делать. – Уверенно сказала Тамара Васильевна.

– Отлично! – Встрепенулся Заслонов. – Я, что, еще, чего-то, не знаю?

– Народ, как рассуждает, Роман Георгиевич. – Вдохнула Тамара Васильевна. – Намучались, девоньки, вдосталь. И, какой ирод, такую, пакостную смертушку, для них, выдумал? Если, они – шпионки, то сажай, их, в тюрьму! Слова, никто, не скажет. Понятно – государственные интересы! Но убивать, то за что?

– А, девушки, то – какие! Просто красавицы! Таких, и, в тюрьму, сажать, жалко! – Вдохнула Лидия Сергеевна.

– Наши мужики, первые, сказали: «Не хватало, чтобы, таких, девок, в нашем колхозе, арестовывали! Это, же – потом, с нас, вся страна, смеяться будет! В Молочаевку, девкам, ходу нет! В них, там, не нуждаются! Если, забредет, кто – сразу, под арест».

– Реакция, мужской, части населения, мне понятна.... – Отрешенно, сказал председатель. – А, вы, как, к этому, относитесь?

– Мы, это – бухгалтерия, или все женское поголовье? – Усмехнулась Тамара Васильевна.

– Я имею, в виду, все женское население, в целом.

– Мы конечно, уже, не школьницы, но и в старческий маразм, пока, не впали. – Стала серьезной, Тамара Васильевна. – Наши мужики, кроме нас, никому не нужны, даже, за деньги. А, таких, девок, они, раньше, только, по телевизору, видели. Пусть, хоть раз, живым звуком, побалуются. А, если, серьезно говорить, то Нинка Киллерша, так сказала: «Эти горемыки, считай, что – покойницы! Их, если задуматься, в природе, со вчерашнего дня, вовсе, не существует!»

– А, что! – Обрадовался председатель. – Такой, взгляд, на происходящее, кажется, мне, вполне, уместным. Преступления, без наказания, разумеется, не существует. Но виновных, за одно преступление, два раза, не вешают. Нет, их и ладно! Что я, покойников, отслеживать должен? Не должен!

– Конечно, не должны, Роман Георгиевич!

– Вот – именно! – Погрозил, куда-то, пальцем Заслонов. – Покойники, по другому ведомству, проходят. Пусть, отец Федор, с ними, разбирается.

Заслонов, поставил, пустую, чашку, на стол и поднялся.

– Ладно! Засиделся я, в кабинете! Вижу, надо, больше, общаться, с людьми. Пойду, узнаю, у Нины Каземировны, не требуется ли, ей, содействие, от органов местной власти. Одинокая женщина, как ни, как....

– Ой, Роман Георгиевич....

– И, вы – туда, же, Роман Георгиевич!

– Прошу, прекратить, ваши, неpolitкорректные, инсинуации! Просто, после ваших разговоров, меня, в этой ситуации, как художника, заинтересовала эстетическая сторона вопроса!

Выехав, из Молочаевки, Скрипак велел водителю, ехать помедленнее и стал пристально вглядываться, лежащие, по левую сторону, от дороги, поля ямса.

Капитан Труба, едущий следом, тоже повысил бдительность, что не укрылось, от глаз подчиненных.

Проявляя служебное рвение, рядовые оперативники, тоже стали разглядывать проплывающий мимо пейзаж, однако, будучи не в теме, не знали, на чем, конкретно, нужно сосредоточить внимание.

Там, где, синеющая полоса леса, клином, рассекая сельхозугодия, подступала к самой дороге, подполковник велел притормозить.

Скрипак, точно, помнил, что точка дозаправки, должна находиться, дальше, за лесом, однако подумав: «Чем, черт, не шутит! Может, Бондаревич, право с лево, перепутал?» – долго разглядывал, окружающее пространство.

– Ладно, едем, дальше. – Сказал он водителю, в досталь, налюбовавшись, начинающей желтеть, ямсовой порослью.

Дальше, за лесом, там где, если верить карте, находился съезд, на грунтовую дорогу.

Проехав вперед, Скрипак, убедился, что, карте, можно верить. Съезд, на грунтовку, действительно, был.

Перед поворотом, на шоссе, стояли трое хлопчиков, с велосипедами. Приоткрыв, рты, они, с интересом, наблюдали, за подъезжающими машинами.

Не обращая внимания, на мелюзгу, Скрипак, напряженно вглядывался, в сторону леса, на краю которого, как он заметил, еще издали, стоял грузовичок, а рядом, с ним, мелькала неясная фигура.

Когда черный внедорожник и микроавтобус, зловеще мерцая черной тонировкой, свернули на проселок, один, из велосипедистов, вскочил, в седло и, яростно, накручивая педали, помчался в Погорельцы. Другой, так, же резво помчался в Молочаевку.

Машина Скрипака, медленно, избегая колдобин, приближалась к лесу. Вскоре, в неясной фигуре, маячащей возле грузовичка, можно было, со стопроцентной уверенностью, опознать старшего лейтенанта Бондаревича.

Тот, словно, не замечая подъезжающее начальство, озабочено, ходил взад-вперед и вроде, как говорил, сам с собой.

Когда Скрипак вылез, из машины, Бондаревич, только, мельком, взглянул, на него и продолжил свое бестолковое хождение. Он, и в самом деле, бубнил, себе, под нос, что-то непонятное.

Что, Скрипак, не смог разобрать.

– Бондаревич! – окликнул, его подполковник.

– Да! – Отозвался тот, с изумлением глядя, на него; так, словно, только что, его увидел.

– Почему, не отвечаешь, на вызовы? – Грозно, спросил Скрипак.

– Так – телефон разрядился! – Радостно сказал Бондаревич.

Из микроавтобуса, тем временем, выгрузилась капитан Труба и подгруппа Глушени.

Они, молча ждали продолжения разговора.

– Ты, что не мог, подзарядить, от аккумулятора? – Раздражаясь, все больше, повысил голос Скрипак.

– Так, нет аккумулятора! – Развел руками Бондаревич.

– А, как ты приехал?

– Не знаю. Приехал как-то....

Труба решительно направился, к машине. Следом, за ним, потянулся Глушени. Вдвоем они подняли капот и, заглянув, под него, неподвижно застыли.

– Ну, что – там? – Нетерпеливо, спросил Скрипак.

Труба, повернув голову, только открыл рот, но ничего не сказал.

– Так, тут и двигателя нет! – Озвучил, ситуацию, Глушения, скорее озабочено, чем растерянно.

– Как – нет!

Скрипак, подскочил, к грузовику и тоже, сунул нос, под капот.

Теперь, уже трое разглядывали зияющее, абсолютной пустотой пространство.

Подожли остальные и, заглядывая, через спины начальства, воочию, убедились, что двигатель отсутствует.

Бондаревич, оживленно потирая руки, маялся в сторонке, время от времени, поглядывая в небо.

– Бондаревич, двигатель – где? – Сбросив оцепенение, ласково спросил Скрипак.

– Не знаю, когда ехал, сюда был. – Задумчиво сказал старший лейтенант и, в свою очередь спросил:

– Товарищ подполковник, вы бы отъехали! А, то прилетят, вы – здесь!

– Кто прилетит?

– Вы, же, сами, знаете!

– Какой сегодня день? – Спросил Труба. – Ответить! Быстро!

– Воскресенье. – Не моргнув глазом, ответил Бондаревич.

Труба подошел к нему и внимательно, заглянув, в глаза, сказал:

– Все, ясно....

– Что – такое? – Растерянно спросил Скрипак.

– Надышался чего-то. – Мрачно сказал Труба. – Из леса, ветерком потянуло и все!

Все, разом, тревожно взглянули, на лес.

Скрипак бросился, к Бондаревичу. Убедившись, что зрачки, у того расширенны, он стал громко кричать, ему, в лицо:

– Понедельник. Сегодня, понедельник! Быстро вспоминай, что, тут было! Говори, что видел?

– Видел аккумулятора – нет! Больше ничего, подозрительного, не заметил!

– А, то, что двигателя нет – не заметил?

– Двигатель, должен быть, товарищ майор! Без двигателя – нельзя!

Бондаревич решительно, направился, к машине. Милиционеры робко посторонились, и он заглянул, под капот. Он долго смотрел, туда, потом сказал:

– Аккумулятора нет, это – точно!

– В машину, его! – Скомандовал Скрипак, кивнув «дюнавцам», на, кайфующего, Бондаревича.

Сотрудники милиции, подхватив под руки, старшего лейтенанта госбезопасности, поволокли того в микроавтобус, по пути, чисто рефлексивно, несколько раз посчитав ему ребра, застоявшимися кулаками.

– Да, не туда! – Крикнул Скрипак. – В мою сажают!

– Наручники, ему оденьте! – Крикнул, Труба и тихо сказал, Скрипаку:

– Мало ли, чего! Он, же – под кайфом.

– Правильно. – Согласился Скрипак и тихо шепнул:

– Канистры видел?

Труба, молча кивнул.

– Отвезешь, подальше, и сожжешь.

– Понял.

Труба окликнул Глушению:

– Прапорщик! Грузите канистры, в автобус!

– Что – дальше? – Спросил он, у Скрипака.

– Надо узнать, был ли вертолет. Если был – надо искать, наших фигуранток. Если – не был, искать, где он делся. Так или иначе, поддержка нам понадобится. Придется обращаться, в лесной департамент – пусть, пришлют лесников. Надо попасть, на место приземления. Без сопровождающих, туда соваться рискованно.

Оба разом взглянули, на, меланхоличного, Бондаревича, выглядывающего, из машины, в приоткрытую дверцу.

– Значит – так! – Решительно сказал Скрипак. – Мне, уже, здесь делать нечего. Поеду, в управление, доложу и займусь, прибытием, сил, поддержки. Ты езжай, в Молочаевку – там, должен быть участковый. Поговоришь, с ним. Побеседуешь, с местным руководством. Жаль, мы, этого, твоего специалиста по контактам, не захватили. Ладно, еще – не вечер! Звони Матюхину. Пусть бросает все, берет своих людей, берет чернявого, и мчится сюда. Народу, у нас, вижу маловато. Глушения, пусть, куда-нибудь, отъедет и сделает дело. Потом пусть присоединяется, к тебе. Переночевать, найдете, где. Хотя думаю, спать вам, сегодня, не придется.

Скрипак, еще, некоторое время, о чем-то, сосредоточено, думал. Видно, ни до чего не додумался, потому, что молча, пожал Трубе, руку и пошел, к машине.

Отъехав, Скрипак, утешая себя, подумал, что возможно вчера в лесу, произошло, что ни будь, такое, что разом, решило все вопросы.

– Если, Бондаревича, на опушке, так закалбасило, то в лесу, вообще, возможно все очурились. От передозировки! Конечно! Это самый вероятный вариант!

Он взглянул, на старшего лейтенанта, который сидел, на переднем сидении, пристегнутый наручниками, к дверце.

Тот, целиком, ушел, в себя, что-то внимательно, разглядывая на передней панели. Время, от времени, Бондаревич, ковырял панель пальцем и радостно улыбался, при этом.

Водитель, прапорщик Шимко, после, каждого раза, заботливо протирал, это место тряпочкой и неодобрительно, косился на пассажира. Однако вслух возражать, не решался, видимо опасаясь мести, с его стороны.

На дороге Молочаевка – Погорельцы, к этому времени собралась, уже, довольно, внушительная, группа велосипедистов, в возрасте, от семи до четырнадцати лет.

Машину Скрипака, они, тактично расступившись, пропустили, а затем, снова, сомкнули ряды.

– Мотор искать приехали! – Выказал, свое, предположение, светленький мальчуган, из Погорельцев, внук бабки Леонардовны.

– Они, девок, городских, ищут, что, у Киллерши, остановились! – Возразил, другой постарше, из Молочаевки.

– И, чего, будет?

– А, ничего, не будет! Старшие хлопцы, день и ночь, возле Нинкиной хаты, дежурят. Врасплох, не застанут!

Оставшись, за старшего, капитан Труба, первым делом, отвел прапорщика Глушеню, в сторону и дал строгий наказ, чтобы горячее, погруженное в машину, было уничтожено, во, что бы, то ни стало.

– Отъедешь, подальше и спалишь, где ни будь, в поле! Понял?

– Чего, тут – непонятного?! Конечно, понял.

– Кого, тут, думаешь, оставить?

– Абдулов, пусть, остается. Патронов, все равно, нет. А, он – хлопец здоровый, голыми руками, с любым справится.

– Добро. – Согласился Труба. – Подбросишь меня, к сельсовету, потом, выполнишь, поставленную задачу. Место встречи – сельсовет. Вернешься – стой, там. Матюхин, тоже, туда подъедет. Ждите, меня. Потом, решим, что делать, дальше.

Микроавтобус, тяжело груженный, авиационным топливом и «дюнаитами», оставив, возле, разобранного «Мерседеса», грустного сержанта Абдулова, выехал, на асфальт и двинулся, в Молочаевку.

Вслед, за ним, неистово, крутя педали, ринулся, многочисленный, велосипедный эскорт.

Притормозив у сельсовета, микроавтобус, оставил на пороге учреждения, капитана Трубу и отправился, дальше.

Зайдя в прохладное, помещение, капитан немного постоял, на месте, отходя, от изнуряющей уличной жары.

Потом, шагая, по коридору, стал разглядывать таблички на дверях. Здание, судя по надписям, поровну делили, между собой, сельсовет и правление колхоза. Сельсовет занимал левую, а колхоз правую половины. Капитан остановился, у двери, с табличкой: «Бухгалтерия», по левой стороне.

По опыту, зная, что это – то самое место, где все, про всех известно, он постучал и, после приглашения: «Войдите!», вошел.

Внутри, он обнаружил присутствие двух, необъятных теток и пухленькую молодуху.

– Здравствуйте. – Поздоровался Труба, не очень приветливо.

– Здравствуйте! По какому – вопросу? – Спросила самая толстая.

– По служебному.

– Вы, не из налоговой, будете?

Труба, молча, достал удостоверение и предъявил, его, любопытствующей особе.

Проявившая, любопытство, Тамара Васильевна, громко прочитала:

– Комитет Государственной Безопасности!

Бухгалтера, все втроем, молча уставились на Трубу, ожидая, что будет дальше.

– Мне, нужно, с вами, побеседовать.

– О, господи! – Схватила, за сердце, впечатлительная, Лидия Сергеевна.

– Вы, нас, всех, разом, допрашивать, будете или по одному? – Кокетливо, спросила Элеонора.

– Со всеми, вместе, побеседую. – Не поддаваясь, на провокацию, заявил Труба.

Потом, принял, еще, более, серьезный, вид и спросил:

– Ничего необычного, в последнее, время, в населенном пункте, не происходило?

– Упаси, и сохрани, нас, от всего необычного! – Отмахнулась Лидия Сергеевна.

– У, нас, необычного, быть не может! – Сказала Тамара Васильевна.

Однако, потом, засомневавшись, добавила:

– Хотя, кто, его, знает... Но это, вам, у отца Федора нужно спрашивать. Всякое, необычное это – по его части! Вот, он недавно обнаружил, что, в наших краях, потомок, самого Сергея Радонежского, при советской власти, был священником! Теперь, вместе с пионерами, могилу его ищет!

– Я, не об этом, говорю. Это – не по, моей, части. Меня интересует, может, было, что подозрительное? Скажем, вдруг, пролетало, что ни будь, этакое...

– Так бы, сразу и сказали! – Обрадовалась Тамара Васильевна. – По этому вопросу, вам, к Мирошниченко, надо! У нас, если, что летало, ненароком, то он, точно знать должен. Он – летчик, бывший. Прямо, спасу, от него нет, как любит про все, что летает, рассказывать!

– Спасибо, за информацию! – Сказал Труба, торопливо вставая. – Как, мне, его, найти?

– Да, проще простого! – Сказала Тамара Васильевна. – Из сельсовета, как выйдете – направо. Дойдете до галереи, дом культуры, у нас, так, называется, снова, повернете направо. На доме, у него, сачок полосатый висит – сразу, узнаете.

– Спасибо. – Кивнул Труба. – До свидания.

Когда, он вышел, все, единодушно, решили, что: «Какой-то он – неинтересный».

Оказавшись на свежем воздухе, Труба обнаружил, перед крыльцом, отставший, по дороге, велосипедный эскорт. Ребятишки, во все глаза, смотрели на него, ожидая, какие действия, он, предпримет дальше.

Поразмыслив, немного, капитан решил вступить, в контакт, с молодежью.

– Ребята, вы не покажите, где, у вас, Мирошниченко, живет?

Молодежь начала, озабочено, переглядываться.

– Это, Генка Кукурузник – что ли? – Наконец догадался один, постарше.

– Тот, который летчик. – Сказал Труба.

– Знаем.... Знаем!

– Летчика – знаем!

– Это Генка Кукурузник!

– Проводите, меня, к нему? – Спросил капитан.

– Конечно, проводим!

– Идите, с нами!

Окруженный плотной толпой юных велосипедистов, капитан Труба, тронулся в путь. Сопровождающие, кто ехал, описывая вокруг него замысловатые, круги, кто шел пешком, катя велосипед рядом с собой.

Попытки, Трубы, наладить, диалог, не увенчались успехом, поэтому он сосредоточил свое внимание на местности, фиксируя в памяти расположение строений и, их особенности.

Возле дома, на крыше, которого полоскался полосатый кулек, указывающий направление ветра, велогруппа остановилась.

– Здесь, дяденька!

– Спасибо, ребята!

– Да, не за что....

Когда, капитан Труба, закрыл, за собой калитку, на крыльце показался, седой, давно, не стриженный и не бритый гражданин, в шортах и майке. На голове, у него, покрывая седые космы, красовалась синяя фуражка, с эмблемой гражданской авиации.

– Здравия, желаю! – Сказал гражданин, отсалютовав, по военному.

– Здравствуйте. – Сделав, строгое, лицо, кивнул, Труба и спросил:

– Вы – гражданин Мирошниченко?

– Совершенно, верно!

Труба, молча, предъявил удостоверение.

Прочитав, что, там, было написано, Гена Кукурузник искренне обрадовался, да, так, что на глаза навернулись слезы. Он протянул, капитану, руку и с чувством, пожал, протянутую, в ответ.

– Мирошниченко Геннадий Петрович. Еще раз представился он и добавил:

– Наконец-то!

– Что, вы, имеете, в виду? – Насторожено, спросил Труба.

– Вы, ведь, по поводу, несанкционированных полетов? – Хитро, улыбаясь, спросил Мирошниченко.

– Возможно.

– Не возражаю, против, такого ответа. Понимаю, вы, не можете говорить, прямо – везде, подслушивают.

– Вы, что-то, об этом знаете? – Оглядываясь, по сторонам, ответил капитан.

Возле калитки и за соседними заборами, действительно, торчали головы ребяти, которая, побросав велосипеды, взяла усадьбу Гены Кукурузника в полукольцо.

– Побольше, чем другие. – Таинственно, сказал Мирошниченко. – Впрочем, об этом, знают все! Только, одни предпочитают не замечать происходящего, а другие, попросту, умалчивают факты!

– Очень, интересно. – Сказал Труба, бросая, косые взгляды, на заборы, за которыми, уже стали появляться люди постарше. Все – ребятня и взрослые, вытянув шеи, внимательно прислушивались к разговору и, как показалось, капитану, проявляли признаки тревоги.

– Может, зайдем, в дом? – Спросил Труба.

– Вряд ли, мы сможем, поговорить, в доме, начистоту. – Вздыхнул Геннадий Петрович. – Сами, понимаете – деревня! Ребятня, везде, пролезет.... Потом, доложат, о разговоре, взрослым. В итоге, ваш, покорный, слуга будет подвергнут остракизму.

– Что, вы предлагаете? – Спросил Труба, понимая, что Геннадий Петрович, к чему-то, клонит.

– Предлагаю, прогуляться. Вы, ведь, хотите взглянуть, на место, посадки?

– Было бы неплохо. – Тихо сказал капитан.

– Одну минутку!

Геннадий Петрович исчез, в доме и, вскоре, появился, оттуда, сменив фуражку, на широкополоую соломенную шляпу. На шее, у него, висел бинокль.

– Ну, что – идем?! – Спросил он, капитана.

– Разумеется, идем! – Ответил Труба.

– Тогда – за мной! – сказал Геннадий Петрович и, круто развернувшись, направился в сад, под сень, одичалых яблонь, с раскидистыми замысловато изогнутыми ветвями.

Когда, они вышли, из сада и миновали огород, Труба оглянулся.

Немногочисленное, население деревни, казалось, в полном составе, высыпало на огороды, наблюдая, за капитаном и его провожатым.

– Ага! Переполошились, гады! – Подумал Труба, злорадствуя. – То ли, еще будет. Я, вам, всем, покажу!

Глава девятнадцатая

В отсутствие высшего начальства, прапорщик Глушеня занял командирское переднее сидение, рядом, с водителем, и, надувшись, как индюк, загадочно молчал, пока, не выехали за деревню.

– Куда, ехать, то? – В очередной раз, спросил Бурачный, поглядывая, то на дорогу, то на прапорщика.

– Остановись. – Скомандовал Глушеня.

Обернувшись к сидящим, в салоне, подчиненным, он долго думал и, наконец, сказал:

– Карамазов и Пацук, останетесь, здесь. Задача, будет несложная – наблюдать, за въездом в деревню.

– И – чего? – Спросил Пацук.

– И – ничего! – Отрезал прапорщик. – Наблюдать и все! Дождаться моего возвращения.

Когда Карамазов с Пацуком, вылезли на раскаленную дорогу, Глушеня скомандовал, Бурачному:

– Вперед!

Глядя, вслед, удаляющемуся, микроавтобусу, наблюдатели, дружно, матюгнулись, ему вслед.

– Да, угораздило, нас! – Сказал Карамазов.

– Не то – слово! – Согласился Пацук и огляделся, по сторонам:

– Чего, тут, наблюдать?

– Ты, что не понял? – Спросил Карамазов.

– Чего?

– Он, эту, горючку прикарманить или загнать хочет. А, нас оставил, чтобы не делиться.

– Вот – скотина! – Без, особой злости, сказал Пацук. – Подумаешь! Что, он, тут, на районе, за нее, поймает?! Копейки.

– Этому индюку – все равно. – Сказал Карамазов. – Но, ничего, он, еще узнает, что есть, бог, на свете!

– Так, куда ехать, все-таки? – Раздраженно, спросил Бурачный, отъехав, от Молочаевки, километра, на три.

Глушеня, все это время, внимательно разглядывал карту. Он крутил, ее, так и сяк, что-то бурчал, себе, под нос и хмурился.

Наконец, видимо, обнаружив, искомую, отправную точку, ткнул в карту пальцем и удовлетворенно, хмыкнул.

Бурачный, не выдержав, неопределенности, притормозил.

Глушеня, никак, не реагируя, на остановку, напряженно думал и чертил, пальцем, на карте, загадочные линии. Наконец, приняв решение, он сказал:

– Едем, в Колдуны. Вот – смотри! – Он сунул карту, под нос, Бурачному.

– Чего, мне, смотреть! – Отмахнулся, тот. – Вон – указатель! Читай – «Колдуны, 6 км».

– Чего стоим? Поехали! – Отвалился, на спинку, сидения, Глушеня.

Когда автобус въехал, в Колдуны, Глушеня, озвучил, следующую задачу:

– Ищем участкового. Он, тут, должен быть.

Он, на ходу, приоткрыл дверцу и крикнул, проходящей мимо, женщине:

– Эй, бабка, где, тут, у вас участковый?

Женщина, на вид – лет пятидесяти, приостановилась, взглянула на крикуна и отреагировала на вопрос, молодежным жестом, продемонстрировав, прапорщику, средний палец. После, этого, она, не оборачиваясь, пошла, своим, путем.

– Глухомань! – С презрением, сказал прапорщик. – Никакой цивилизации. Поехали дальше. Здесь есть правление, наверно, там, и – участковый.

В правлении, было тихо.

– Где председатель? – Спросил у секретарши, Глушения, зайдя, в приемную, и держа автомат наперевес.

Демонстрация, оружия, не произвела, на девушку, никакого, впечатления.

– В поле – председатель. – Сказала, она, всецело, поглощенная, какими-то, мудреными страстями, на экране телевизора.

– А – участковый?

– Четвертая дверь, справа. – Выдала информацию секретарша.

Глушения, многозначительно хмыкнул и вышел. Однако, через минуту, снова, вернулся в приемную.

– Нет, там, никого!

– Да! Не может быть. Подождите, немного. Я, сейчас, пойду, поищу.

Глушения, начиная закипать, присел, на стул.

Пять минут, он сидел, молча, потом задал вопрос:

– Девушка, долго, еще ждать?

Секретарша, широко, открыв глаза, взглянула, на него и смотрела долго, долго. Потом спросила:

– У, вас, с головой, все, в порядке? Может – напекло?

– Так, я не понял, в чем дело? Где участковый?

– Четвертая дверь, справа!

– Нет, там, никого!

– Так, что мне делать? Идти, его искать? Вот – я, уже все бросила!

– Почему, его, нет, на месте?

– Как найдете – спросите....

– Где он живет?

– Дальше, по дороге. Второй поворот, направо. Вторая хата, с краю.

Озлобленный, донельзя, прапорщик, вернувшись в машину, смачно и выразительно выругался. Когда полегчало, объяснил Бурачному, кого искать и, каким путем. Миновав, первый поворот, машина выехала, за пределы деревни.

– Вот – чертова, девка! – Выругался Глушения и велел Бурачному, возвращаться. Вернулись обратно. Свернули. Нашли вторую хату, с краю. Окна в, покинутом, жилище, были забиты досками.

Перешли, на другую сторону. Пацан, лет десяти, презрительно щурясь, сказал, что участковым в этом доме, никогда, даже не пахло.

– Может, надо считать, от перекрестка?! – Высказал предположение Астахов.

Переехали, на другой конец улицы. Стали считать, от перекрестка.

На левой стороне, дом был заперт, изнутри, и во дворе, на веревке, сушились цветастые халаты и тюбетейки.

На настойчивый стук в дверь, никто, не открыл, хотя в доме, явно кто-то был, судя по едва уловимому дыханию.

У дома, напротив, на скамеечке, сидел глухой дед. Тот на все вопросы, которые, ему, прокричали, в ухо, только добродушно кивал головой.

– Может, поворот – не на право, а налево? – Высказал предположение Глушения.

– Давай, тогда, прочесывать, дом, за домом, всю деревню! – Сказал Астахов. – Нужно, еще, у кого ни будь, спросить.

В одном, из соседних дворов, обнаружили бойкую старушку, которая, прикрываясь, решительно настроенным, козлом, согласилась их выслушать.

– Участковый, в Заболотье, живет. – Сказала бабка. – Это – дальше, по асфальту. Как заедете, в деревню, первый поворот направо, вторая хата, с краю.

– С какого краю, бабушка? – Ласково, спросил Астахов. – Считать, откуда?

– С краю, считай, соколик! Как, край деревни, найдешь – оттуда и считай!

На подъезде, к Заболотью, Астахов сказал:

– Девица, в принципе, правильно, сказала, что второй поворот, направо....

– Дура – она! Сказала бы, что – в соседней деревне и дело, с концом! – Насупившись, сказал Глушения.

На этот раз, хату участкового, обнаружили быстро. Сам, он, тоже, был на месте – сидя с ноутбуком в тенечке, увлеченно, играл во что-то.

Одет, он был, по-домашнему – в арабские кальсоны и какую-то гималайскую распашонку.

– Прапорщик Глушения! – Развернул удостоверение руководитель группы.

– Капитан Левандовский. – Представился участковый, не отрываясь, от компьютера.

– Специальная оперативная бригада! – Угрожающе, сказал Глушения. – Телефонogramму, получали?

– Я, телефонogramмы, прапорщик, каждый день, получаю! Ты, про какую, именно, спрашиваешь?

– Телефонogramму, о, всемерном, содействии, группе «Дюна»!

– А, что была, такая телефонogramма? – Удивился участковый. – Нет – раз была, так была!

Он, сохранился, закрыл ноутбук и официально спросил:

– От, меня, то, чего надо? Чем, могу посодействовать?

– Груз, надо, принять на хранение. – Сказал Глушения. – Запас горючего.

– Надо, так надо! – Не стал возражать Левандовский. – К дому, напротив подъезжайте. Только, до белой черты, перед воротами. У меня, там, огурцы посажены....

– Так – что, что – огурцы? – Пробурчал Глушения.

Левандовский взглянул, на него, как на слабоумного и покачал головой:

– А, ты попробуй, зайти, во двор, без хозяина – узнаешь!

Бурачный, остановился, намного, поодаль, белой черты.

Когда участковый открывал ворота, Глушения спросил:

– Этот дом – чей? Кому принадлежит?

– Мой дом. – Сказал участковый. – Моей жене принадлежит.

– Так, это получается, у тебя – два дома? – Подозрительно, щурясь, спросил прапорщик.

Весь его вид говорил, о том, что он сильно подозревает, что, под крылом, Левандовского, процветает, махровая коррупция.

– Почему – два? Семь. – Спокойно, ответил участковый. – Этот конец – весь, мой!

Глушения выпучил глаза и замолчал. Молчал он, все время, пока Астахов и Бурачный выгружали канистры, а Левандовский, собственноручно, заносил их во двор. Только в самом конце, прапорщик сказал:

– Одну оставьте. Она, нам, понадобится.

После, того, как канистры были сложены, под навесом, где в былые времена, хранились дрова, прапорщик заставил участкового, написать расписку. Забрав расписку, он, хмуро, сказал, на прощание:

– Ну – все! За груз, отвечаешь головой.

Пока не выехали, из Заболотья, Глушения был угрюмо, сосредоточен. Его сердце сжималось от, тоскливой зависти, к материальному достатку сельских, участковых.

Только, на полпути, между Заболотьем и Колдунами, он пришел в себя. Велев, Бурачному, остановиться, он приступил к инструктажу:

– Слушайте, сюда! Эту, горючку, начальство, велело спалить или вылить. Если будут спрашивать – мы, так и сделали! Понятно?

– Понятно! – Дружно кивнули Бурачный и Астахов.

– Если, загоним, то поделим, так – мне половина, и вам – половина. Это – по честному. Я, за все, отвечаю!

Бурачный и Астахов, согласно, кивнули.

– Сейчас, отъедем и одну канистру спалим, чтоб место обозначить. Будут спрашивать – все спалили!

– Да, ясно, все!

– Понятно! Ну, ты, Глушеня – молодец, здорово, крутанулся!

– А, то! Со мной, не пропадешь! – Самодовольно, расправился, на сидении, прапорщик.

Отъезжая, с базы, капитан Матюхин проинструктировал прапорщика Мелешко:

– Капитан Хоменюк остается, за старшего. Так, что следи, за ним, в оба глаза. Смотри, чтобы его, не потянуло, на подвиги. Румына, я забираю, поэтому, если, Хоменюк, куда сгинет – искать придется самому.

– Может, его приковать, где, в холодке, наручниками? – Поинтересовался Мелешко.

– Я, тебе, дам – приковать! Старшего, по званию?! – Строго сказал Матюхин, хотя, сама, мысль, не показалась, ему абсурдной.

– Ты, лучше, вот – чего! Надо, его, в самом деле, посадить, в засаду! Пошли, я тебе, выдам, бутыль чемергеса, все равно, наши, как приехали, только вискарь пьют. Возьмешь, палатку. Я видел – среди прочего, нам и пару палаток выделили. Найдешь местечко на бережке, неподалеку – такое, чтобы, кустов, поблизости не было. Посадишь его там, пусть бдит!

– Нормально! – Согласился Мелешко. – А, то, в самом, деле – таскаем, старшего по званию, как куль с картошкой! Туда-сюда! Пайку, будем ему доставлять, по мере надобности. А, там – чем черт не шутит, может на него, кто сдуру и выйдет!

– Молодец! Мысль улавливаешь! Только, разместить, его, так, что бы с базы видно, не было.

– Это понятно!

Уже, сядя, в машину, Матюхин, на прощание, сказал:

– Особо, не расслабляйтесь, может, еще, какая вводная, последует! Какая-то каша заваривается непонятная.

Подъехав, к Молочаевскому сельсовету, капитан Матюхин, никого, из своих, там не застал.

Солнце, перевалив точку зенита, палило немилосердно.

Не обращая, внимания, на, палящие, лучи, группа Матюхина, в полном составе, выбралась из микроавтобуса.

Милиционеры стали прохаживаться, возле машины, разминая, затекшие члены.

– Чего – теперь? – Спросил, у Матюхина, старший сержант Пинчук.

– Труба, придет – поставит задачу! – Сказал капитан. – Будем ждать!

– Румын, ты – где? – Позвал он.

– Туточки! – Отозвался скаут и выглянул из машины.

– Давай – сюда!

Румын, не спеша, вылез наружу и, остановившись рядом с капитаном, стал крутить носом, по сторонам.

– Ну, что скажешь? – Спросил, его, Матюхин.

– Что сказать?! – Оглядываясь, сказал, тот. – Деревня, небогатая, но – зажиточная.

– В каком смысле?

– С нашей Слободкой, не сравнить, по уровню, доходов, но живут, богато. – Уточнил Румын.

– Ясно. Что, еще, скажешь?

– Так, навскидку – ничего. Требуется, более, детальный анализ.

– Ладно. Прошвырнись, по окрестностям. Глянь, что к чему. – Решил Матюхин.

– Узнай – магазин, тут есть. – Добавил Пинчук.

– И, где воду, можно брать. – Дал, еще одно, трудовое поручение, Качан.

Когда Румын растворился в знойном мареве, Матюхин заметил, одинокого, велосипедиста.

Когда тот подъехал ближе, капитан определил, наметанным, глазом, что это – скорее управленец, чем управляемый.

Подъехав к оперативной группе, велосипедист, бородатый здоровяк, спешил и, окинув всех ее членов, оценивающим взглядом, спросил:

– Вы – по делу или проездом?

Матюхин представился и показал удостоверение.

– Председатель сельсовета – Заслонов Роман Георгиевич. – В, свою, очередь, представился велосипедист. – Так – что? Надолго, к нам?

– Трудно, сказать. – Пожал, плечами, Матюхин. – Будет, зависеть, от вашего, гостеприимства.

– Так, что, же, вы, не заходите? Печетесь, на солнце?! Прошу – проходите!

– Спасибо, конечно, только, в другой раз. Служба!

– Понимаю. – Кивнул Заслонов.

Он, еще раз, окинул взглядом приезжих и, видимо, не обнаружив, в их манере поведения, ничего настораживающего, попрощался:

– Если – что, заходите!

Спасаясь, от повышенной солнечной радиации, милиционеры, расселись, в микроавтобусе. Дверь не закрывали. От жары, это, не спасало, но дышалось легче, чем, в замкнутом, пространстве.

Приезд гостей вначале не вызвал, у работников сельсовета, никакого интереса. Только после того, как какая-то тетенька, заявила туда, по делу, ситуация переменялась.

Проходя, мимо Матюхина, которому не сиделось в фургоне, она оценивающе взглянула, на заезжего красавца и, замедлив стремительное движение, приветливо поздоровалась.

После, того, как тетенька скрылась в сельсовете, на крыльцо стали выходить его сотрудницы. Видимо им не сиделось в прохладных помещениях, а хотелось погреться на солнышке.

Выйдя на крыльцо, сотрудницы, оценивающе, без стеснения разглядывали капитана. Его попытки, укрыться в микроавтобусе, от назойливых аборигенок, окончились безрезультатно. Стоило истомленному духотой Матюхину, покинуть замкнутое пространство, как на крыльце, появлялась очередная любопытствующая особа.

Все это немного развлекло приехавших. В остальном, все вокруг, словно вымерло. Или испарилось. Потом, приехал Глушеня. Он, коротко, изложил, Матюхину, череду утренних событий. Две группы, объединившись, стали ждать, вместе. Капитан Труба, как, в воду канул.

Когда Матюхин, посоветовавшись, с Глушеней, уже готов был организовать, поиски пропавшего, на деревенской улице, со стороны, Заболотья, показалась странная процессия.

По дороге, неуверенным шагом, двигался мужчина, очень, похожий, на капитана Трубу. Но издали, точно определить он – это или не он, было трудно. Человек шел, как пьяный.

За пешеходом, заметно, отставая, следовала многочисленная группа велосипедистов. Некоторые, из них сидели в седле, некоторые катили велосипеды, в руках.

Когда человек приблизился, и его можно было, с уверенностью опознать, как руководителя, оперативной группы, стало видно, что капитан Труба – сильно не в духе.

Глаза, его, были, яростно прищурены, губы сжаты. Да и вся фигура, его была, словно остро отточена. Капитаном, сейчас, можно было, резать сало.

Он зло поглядывал на свой эскорт, едва сдерживая желание, огрызнуться на ребятню, которая, своим постоянным присутствием, доводила его, до белого каления.

Отправившись, с Геннадием Петровичем, к месту, возможной, посадки вертолета, Труба не предполагал, что экскурсия, будет экстремальной.

Выйдя за огороды, добровольный помощник обвел взглядом, однообразно безликие поля ямса и выбрав, какой-то, одному ему известный ориентир, рванул вперед.

Труба, ринулся, следом, за ним.

Несмотря, на возраст, Геннадий Петрович, оказался неутомимым ходоком. Однако видимо, тот, же возраст, ослабил, его, навыки в ориентации на местности.

Километра два, они шли по прямой, среди несжатых ямсовых зарослей.

Посреди поля, Геннадий Петрович, понял, что ориентир был выбран неправильно и пошел наискосок. Труба, стараясь не отставать, следовал за ним.

Когда, они проложили, в ямсовой ботве косую тропу, длинной километра полтора, проводник, наконец, остановился. Он внимательно осмотрелся, потом хлопнул, себя ладонью, по лбу и уверенно сказал:

– Вот, оно, что! Туда!

Мирошниченко ломанулся, обратно, в сторону деревни.

Труба, сжав зубы, шел за ним. После, километровой, пробежки, Геннадий Петрович, удовлетворенно сказал, не снижая, хода:

– Правильно идем!

Еще метров, через пятьсот Мирошниченко, наконец, остановился и, радостно провозгласил:

– Пришли!

При этом он сделал, широкий жест, рукой, приглашая Трубу, полюбоваться, на место посадки.

Капитан недоуменно уставился, на обширную, почти, идеально круглую, проплешину, посреди ботвы.

Видимо, в этом месте, пласт глины выходил, на поверхность, образуя, среди рыхлой почвы, водонепроницаемую линзу. Во время дождей, это место заливало, поэтому, ямс, здесь не родился. Даже сорняки росли, одинокими былинками. Сейчас, во время жары, вода испарилась, земля потрескалась. Трещины, геометрически, правильно пересекаясь, образовывали узор, похожий на пчелиные соты.

Труба напряженно разглядывал земную поверхность, пытаясь разглядеть, хоть, малейшие признаки посадки, в этом месте, винтокрылого аппарата.

Ничего, такого, не было. Ни следов, колес, ни следов, ног, если вертолет завис, а пассажиры спрыгнули, на ходу.

– Что-то, я ничего, не замечаю. . . . – Растерянно, сказал капитан.

– Как! – Изумленно, спросил Геннадий Петрович. – Это, же – след посадки! Видите, как опалили землю, дюзы их космического корабля!

Обратно, на дорогу, Труба выбрался, лишь, благодаря, исключительной силе воли.

Только, когда, его ноги, оказались на, твердом, покрытии, он обрел способность мыслить.

– Как, я, не догадался, сразу – Гена Кукурузник! Дурачок – деревенский! Позор, на, мою, голову!

Посыпать голову пеплом, капитану, впрочем, не было нужды, она и, так была присыпана толстым слоем пыли.

Поэтому, он, с трудом переставляя одеревеневшие ноги, двинулся к точке «рандеву», по пути, прикидывая, какие санкции можно применить к той толстухе, из бухгалтерии.

Размышлял он, об этом, всю дорогу, и, в конце, концов, пришел к единственно приемлемому решению:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.